АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

№ 4 [8]•2014



Беларуская марсельеза

«Беларуская марсельеза» — назва, якой азначалі дзве розныя беларускія патрыятычныя песні.

1. У пач. XX ст. з'явілася «Адвеку мы спалі», аўтар словаў раней быў невядомым, і лічылася, што песня была пачута ў першы раз у 1906, «сярод рэвалюцыйнага сялянства Слуцкага ўезда Мінскай губерні». Пазней было высветлена, што аўтарам словаў быў паэт А.А. Мікульчык. Варыянт, датаваны 1917 годам, са словамі «...што трэба зладзеяў пабіць», прыпісваўся Уладзіславу Галубку. Песню шырока называлі «Беларускай марсельезай» за патрыятычны і рэвалюцыйны пафас словаў, але спявалі яе на іншую мелодыю, чым «La Marseillaise». У 1920-я і, верагодна, пазней, гэтая песня была фактычным гімнам БССР і беларускага нацыянальнага руху за мяжой.

2. У канцы 1980-х — пачатку 1990-х, у беларускім патрыятычным асяроддзі назвай «беларуская марсельеза» азначалі, час ад часу, верш Багдановіча «Пагоня», спяваны на мелодыю «La Marseillaise».
   Вядомыя розныя варыяцыі тэксту «Адвеку мы спалі», у адным з іх першыя звароткі гучаць так:

   Адвеку мы спалі і нас разбудзілі,
   Пазналі, што трэба рабіць,
   Што трэба свабоды, зямлі чалавеку,
   Што трэ' лепшай долі здабыць,
   Бо што ж то за марная доля такая,
   Для іншых карысці працуй.
   Па нашых абшарах чужынец гуляе,
   А ты ў родным краі гаруй.



Картина Гроттгера «Повстанцы Калиновского» Беларуская энцыклапедыя. У 18 т. Т. 10. — Мінск, 2000

АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНАЕ ЛІТАРАТУРНАЕ ВЫДАННЕ

БРЭСЦКІ РАЁННЫ
ВЫКАНАЎЧЫ КАМІТЭТ
АДДЗЕЛ ІДЭАЛАГІЧНАЙ РАБОТЫ, КУЛЬТУРЫ І ПА СПРАВАХ МОЛАДЗІ РАЙВЫКАНКАМА
РАЁННЫ ДОМ РАМЁСТВАЎ

Кантакты:
(+375 29) 20-161-02
(+375 162) 965-957
e-mail: kotlas@tut.by

Падпісана да друку 15.12.2014.
Фармат 70x100 1/16. Гарнітура PF Agora Serif Pro.
Тыраж 99 экз. Ум. друк. арк. 8,10.
Друк цыфравы. Надрукавана ТДА «Артлайнсіці»,
г. Брэст, вул. Карбышава, 74.
Арыгінал макет падрыхтаваны
ТАА «Паліграфіка», зак. 400-2014.
Пасв. 2/2 ад 16.08.2013, пасв. 1/22 ад 16.08.2013,
вул. Стафеева, 21, 224007, г. Брэст
тэл. (+375 162) 49-26-79, www.poligrafika.by

1-я с. вокладкі: Алена Рэвуцкая. Калядная песня. 2005 г.

1-я і 4-я с. вокладкі: Зінаіда Кайко. Святошны рушнік

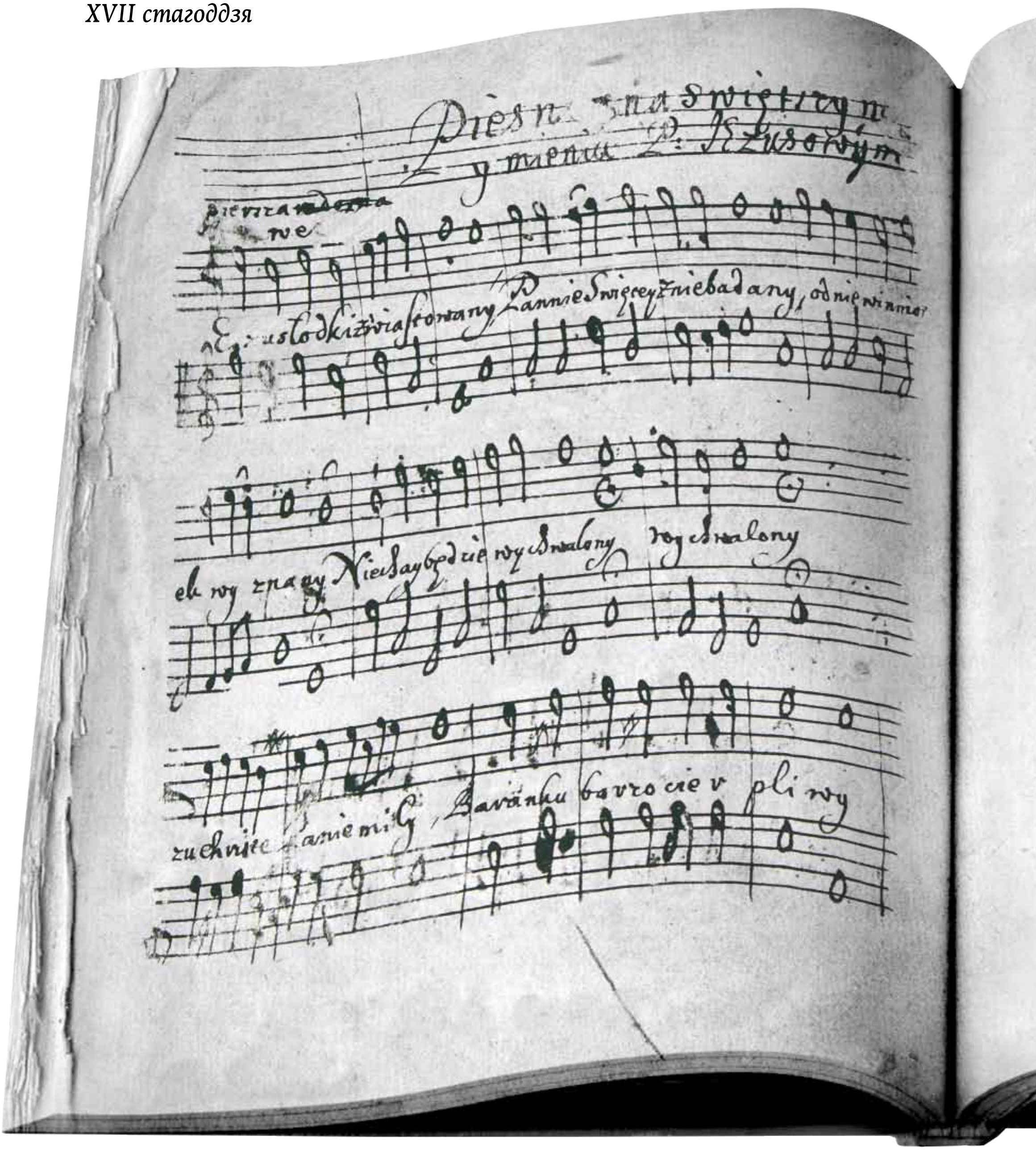
У афармленні выкарыстаны выцінанкі мастачкі Святланы Вяль

Выходзіць штоквартальна
Мова: беларуская, руская

№ 4 [8]•2014

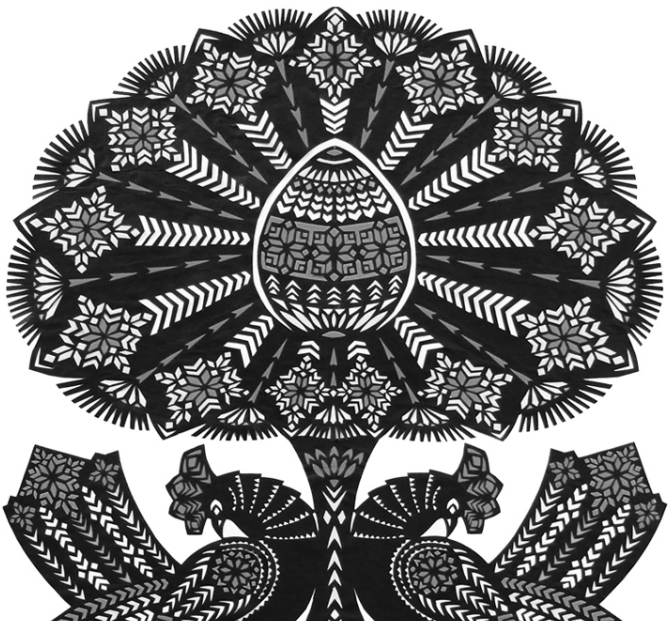
У НУМАРЫ:

Так выглядае архіўны «Рукапіс 127/56» Ягелонскай бібліятэкі г. Кракава. Нотны запіс выкананы ў старажытным манеры XVII стагоддзя



Копія захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН. Паўторна зроблена намаганнямі і за сродкі СПК «Астрамечава» спецыяльна для альманаха «Астрамечаўскі рукапіс»

АСТРАМЕЧАВА
І АСТРАМЕЧАЎЦЫ



Книга «Апостол» — старейшее рукописное издание XVI–XVII веков

**Принадлежала Лыщицкой, позже Остромечевской церкви.
В 1915 г. при эвакуации была закопана в землю, отчего и пострадала**



Издание хранится в Брестском областном краеведческом музее

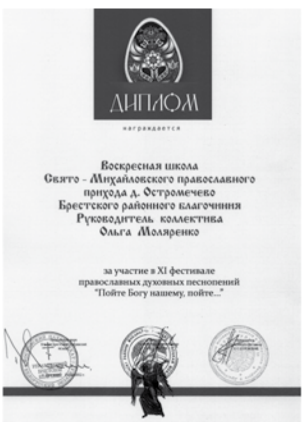
О духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения

размышляет директор Остромечевской детской школы искусств Татьяна ПРОКОПОВИЧ



Вопрос духовно-нравственного воспитания детей является одной из ключевых проблем, стоящих перед каждым родителем, обществом и государством в целом. Нельзя не заметить, что сегодня в представлениях детей духовные ценности часто вытесняются материальными, и, соответственно, среди целей и желаний детей начинают преобладать узколичные, «продовольственно-вещевые» по характеру. Поэтому так важно обращать внимание на воспитание души, на духовно-нравственное состояние нашей молодежи.

Детство всегда с надеждой обращено в будущее, и дети, как правило, ждут, чтобы взрослые показали им путь, который определит им жизнь. Для этого необходимо создание и полноценное функционирование социально открытого пространства, где усилия всех — семьи, школы, учреждений дополнительного образования, общественных организаций, культуры и спорта, традиционных религий — будут направлены на освоение системы общечеловеческих ценностей, культурных, духовных и нравственных ценностей народа Беларуси.


ДИПЛОМ

награждается

Воскресная школа
Свято - Михайловского православного
прихода д. Остромечево
Брестского районного благочиния
Руководитель коллектива
Ольга Моляренко

за участие в XI фестивале
православных духовных песнопений
"Пойте Богу нашему, пойте..."


ДИПЛОМ

награждается

Хор воскресной школы
Свято-Михайловского прихода д. Остромечево
Брестского районного благочиния

"Пойте Богу нашему, пойте..."


ГРАМОТА

награждается

Инструментальный ансамбль
"Астрамечаўскія жаўручкі""
ДШИ агрогородка Остромечево

Руководитель Алла Ильюк

за участие в XIII фестивале
православных духовных песнопений
"ПОЙТЕ БОГУ НАШЕМУ, ПОЙТЕ.."



«Астрамечаўскія жаўрукі» и «Праздничный хор» Остромечевской ДШИ на XIII фестивале духовных песнопений

Воскресная школа — явление очень старое. Корни его лежат в церковно-приходской школе, которая дала начальное образование многим выдающимся людям Беларуси, России и Украины. Ведь это было почти единственное место, где начальное образование — грамоту, устный счет, основы истории и Закона Божьего — мог получить практически каждый ребенок, независимо от его социального положения или материального благополучия.

Основной целью современной воскресной школы является обучение детей основам духовной грамотности. Сегодня дети получают образование в государственных школах на очень высоком уровне, но их духовное и нравственное развитие, в силу обстоятельств, сложившихся в нашем государстве за последние годы, оставляет желать лучшего.

Воскресной школе нужно быть источником бесценных духовных знаний, помогать детям обрести нравственный стержень, который не позволит им сбиться в жизни с правильного пути. Именно поэтому воскресная школа должна существовать при каждом храме.

Действует воскресная школа для детей и при Свято-Михайловском храме агрогородка Остромечево. Преподаватель Жанна Леонидовна Скалдуцкая — выпускница Слонимского Духовного училища — знакомит детей с многообразным и возвышенным миром православия. В школе изучается Закон Божий, Библейская история, история церкви. Уроки проходят в хоровом классе Остромечевской детской школы искусств. Во время Крещенской недели учебный класс ежегодно освящается священником Свято-Михайловской церкви иереем Владимиром Свидуновичем.



Репетиция «Праздничного хора» (рук. Ольга Николаевна Маляренко и иерей Владимир Свидунович — в центре)



Ансамбль цимбалистов «Астрамечаўскія жаўрукі»



Цимбалистка Алина Дмитренко

Ученики и учителя воскресной школы, Остромечевской детской школы искусств и районного Дома ремесел работают в тесном сотрудничестве. Для детей и родителей устраиваются утренники на Рождество и Пасху. На Святки ребята посещают пожилых прихожан, инвалидов, вручают им подарки. На Вербное воскресенье дети устраивают выставки поделок и вербные букеты, сделанные своими руками.

К различным праздникам учителя и ученики готовят информационные листки о духовной сути праздника, стихи, интересные и поучительные рассказы для детей и взрослых.

Рождественские встречи

Рождественские концерты в Остромечево стали уже доброй традицией. В 2009 году учителя и ученики Остромечевской ДШИ и районного Дома ремесел организовали праздник, посвященный Рождеству Христову. Выставки, концерты, литературно-музыкальные композиции, духовные стихи, песнопения и мини-спектакли. За эти годы менялись залы, исполнители и приглашенные гости. Но неизменным остается то, что в этот праздник зрители и участники настроены на добро и любовь, которая объединяет людей, соединяет

Традиционная встреча преподавателей Остромечевской ДШИ и районного Дома ремесел с председателем СПК «Остромечево» А.С. Скакуном





Воскресная школа при храме в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» г. Бреста в гостях районного Дома ремесел, 2012 г.

церковь земную и небесную, просвещает души и помогает воспитывать наших детей в нравственной чистоте и вере, в милосердии и любви.

Неизменным участником Рождественских концертов является «Праздничный хор» Остромечевской детской школы искусств (руководитель Ольга Николаевна Маляренко). Репертуар «Праздничного хора» становится более широким и разнообразным. Он рождается из общения детей с отцом Владимиром — священником Свято-Михайловской церкви агрогородка Остромечево, преподавателем воскресной школы Жанной Леонидовной Скалдуцкой, матушкой Ириной (или Ириной Свидунович), которая, обладая замечательным по красоте и силе голосом, любезно согласилась исполнять сольные партии хора. Ребята могут делиться радостью общения друг с другом, с музыкой, участвуя в Рождественских концертах, на православных выставках и фестивалях, в богослужебной жизни прихода. Мы надеемся, что помогаем каждому ребенку найти и развить таланты, данные ему Богом, что через общение, труд, творчество дети открывают для себя мир добра, любви, красоты, и те семена, которые попадут на благодатную почву детской души, в дальнейшем прорастут и принесут свои плоды.

- *Музыка С. Подшибякиной, слова Е. Матвиенко «Рождественская песенка».*
- *Музыка С. Марченко, слова М. Лермонтова «Ангел».*
- *Музыка и слова Э. и Д. Реттино «Рождество — время любить».*
- *Фр. Груббер «Святая ночь».*
- *Музыка В. Плешак, слова А. Шульгиной «Рождественская песня».*
- *Музыка В. Вовченко, слова М. Речкина «Волшебный урок».*
- *«Яркая звездочка».*
- *«Елка в Рождество».*
- *Музыка и слова А. Наумовой «Рождество Христово!», «Колыбельная Марии».*
- *«Ангелы в небе».*

Православный фестиваль «Пойте Богу нашему, пойте!»

18 мая 2014 года в Дрогичине прошел XIII фестиваль духовных песнопений «Пойте Богу нашему, пойте». В нем приняли участие 43 детских и молодежных коллектива из Бреста, Кобрина, Березы, Пружан, Каменца, Жабинки и других приходов Брестской епархии, а также хоры Польской автокефальной православной церкви.

Агрогородок Остромечево был представлен двумя коллективами: детским «Праздничным хором» (руководитель Ольга Маляренко) и ансамблем «Астрамечаўскія жаўрукі» (руководитель Алла Ильюк).

По традиции все исполнители духовных песнопений получили благодарности и подарки от Владыки Иоанна. «Праздничному хору» и ансамблю были вручены дипломы и статуэтка «Ангел» — символ фестиваля «Пойте Богу нашему, пойте!», который возвещает об очередном празднике и торжестве духовной православной культуры.

По благословению епископа Брестского и Кобринского Иоанна в Пасхальный период ежегодно уже на протяжении тринадцати лет фестиваль «Пойте Богу нашему, пойте!» проводится в городе Дрогичине. За эти годы он стал местом желанной встречи единомышленников, где люди приобщаются к православным традициям и слову Божьему, где голоса многих певчих звучат подобно голосам ангелов, как будто бы сошедших с небес. И это весьма отрадно. Ведь давно замечено: «чем больше мест для молитвы — тем меньше зла в сердцах людей».

Ученики Остромечевской ДШИ по благословению отца Владимира — настоятеля Свято-Михайловского храма села Остромечево, впервые приняли участие в X фестивале, который проходил в 2012 году. Отец Владимир рассказал о фестивале, помог с репертуаром, обращал внимание на особенности исполнения церковных песнопений. Это уже третий фестиваль «Пойте Богу нашему, пойте!», в котором наши ученики принимают участие. Репертуар пополнился как молитвенными распевами столетней давности, на которых зиждется православная церковь, так и современными духовными произведениями.

Репертуар:

Л. Марченко, М. Лермонтов

- *«Ангел»*
- *«С коленопреклонением»*
- *«Святая земля»*
- *«С тихой утренней зарею»*
- *«Как природа хороша»*
- *«У Иерусалимских гор»*

Слова и мелодии молитвенных песнопений дети пропускают через свои сердца и души, и это позволяет надеяться, что в своей жизни они станут прочной опорой для семьи, веры, Отечества.



Наши культурные бренды



Ансамбль песни «Суседзі» Скоковского СДК (рук. Владимир Юльянович Лабкович)



Народный ансамбль песни «Славия» Мухавецкого ДК (рук. Ирина Викторовна Лис)

ЧАРОЎНЫЯ СПЕВЫ І ПАДАННІ СПАДЧЫНЫ



АПОВЕД бабы Вольгі з Вельямовічаў пра жыццё, вайну і песні



Варабей Вольга Данілаўна, в. Вельямовічы Брэсцкага раёна (1934 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая)

Як ад немцаў хаваліс

— Добры дзень! Мы з універсітэта, вельмі хочам з Вамі паразмаўляць.

— Я мугу вам пісню заспываты пру Сталіна, вітіранску, я дві знаю. Я председателювы спывала вітіранску пісню. Він ду мэнэ, прывозыв мні пісьмо, пытав мэнэ пру вуйну. Я юму рускала слово в слово: як нашэ сыло палэлы, як два партізаны прійіхалы. Ну, я всё русказала. І за тэх партізанув нам спалэла сыло. Якраз цюю сэрэдыну вэпалылы. Хата наша, тры года було як батько пустройів, і німцы спалэлы йийі. Бо тут якраз партізаны прійіхалы. Партізаны булэ вкопаны в Вельмовычах за кладбішчамы, а німцы стуялы тамо во в Шумыны. І вунэ рубэлы перестрелку, бо после вуйнэ на болоті валялыся німцы пубэты. Рубэлы перестрелку. І тэх партізанув вэслалы в разведку. І йіх ду Ковалевыі дорогі допустэлы і пудбэлы в танковы і вунэ пугурілы, і удэн був мулудэй. Влізлы на клуню, я нэсу якраз яйкі в схрон. Мні було, сідмэй год ішов. Купалы батькі за клунямы, в нас пу тый стороні всё клуні стуялы. Ну, і каждый на свуму полю выкупав схрона. То вжэ зналы, шо вуйна будэ. І выносылы тудэ лахі в схроны. Хатэ запалять, куб лахі ны пугурілы, а я лялькі взяла з гарцём, давай нэсты. Вэйшла на дорогу, йідэ танк.

Я дэвлюся то ні німецкій, бо німецкі тыйі всё булэ Катюшы такійі большыйі. І вунэ пубачілы, шо я іду, сталы і кажуть мні: «Дочка, даліко лі здесь немец?». А я кажу: «Во тамо во в тэх о большых курчях, в Шумыны». Вунэ влізлы на клуню Таньчіного батька і на самый грэбынь, і в біноколь дэвляцця. Пудывэлыся і злізлы, і крічать: «Палімёт впірёд!». Помежду клунямы пруйіхалы с тэм палімётом, кулу нашуго схрона, і пуйіхалы прямо німцям в рукі, а я ж такая, ну шо ж, сідмэй год, за тэм танком быгу і крычу: «Куда вітэ йідытэ, то ж там немцы, то ж там немцы!». Быгу, впаду і знов быгу, і вэрнулась. Вэрнулась, прышла пуд хату і тутака вжэ давай, німцы тэйі давай худэты пу схронах, кідаты гранаты, крічать: «Партызан русі капут!». Всё кідають гранаты в схроны. В нас тут четырнаццыть чулувік убэлы. Тэйі гранаты рузрывалыся. Ой! То вообшэ було страхотте. Ну, і удного партізана. Удэн був вжэ пужылэй, а другі був шэ мулудэй. Я юго так запомніла, того мулудого і того мулудого. Много літ пруйшло і прійіхала юго маты, і пузнакомылася з огрономом. Вуна пріййіхала і там вжэ як вуна з йімы пузнакомылася, с тэм огрономом, а вунэ жылэ во там ныдалэко, огроном. Ну, і вжэ мэ йдэмо з того мітінга, тая Надя, огрономува жінка, так пушла впірёд, а я взаді йду і вжэ пудходым так о сюда пуд хату, вуна кажэ. А, тая маты того мулудого кажэ: «Далэ знаты, шо він погіб вот в этіх краях». А тая Надя, вуна сама з Кушылува, огрономува жінка. Вуна кажэ: «Я Вам нічого ны мугу сказаты, бо я ны здешна, Вам трэба хто тутака здешный». А я вжэ йду, кажу: «Надя, а шо то за удна тётка?». А вуна кажэ: «То тэйі партізаны, шо тут у вуйну пугіблы». А я кажу: «О, то я Вам всютко рускажу як бы вуно зара було». І я юй давай русказуваты. А вуна кажэ: «Сімілетняя девочка, — в ейі слёзы путыклэ, — запомніла моево сына». Я кажу: «Він був на Вас пухожый як крапэлька вудэ, — я кажу, — я глянула зара на Вас і як він був, точно був пухожый на Вас, — я кажу, — такі шчуплынькій, худенькій». І я юй рускавала як вунэ на клуню лазылы, як вунэ йіхалы тэм танком, крічалы: «Палімёт впірёд!». Я кажу: «Я Вас завыду пукажу дэ йіх пудбэлы с тэм танком, скажу Вам, дэ вунэ пухуроняны. Як началэ вунэ йіхаты. Кулу цэрквы там брацка мугіла. А шо там, — кажу, — було хуваты. Іх танка пудбэлы, іх тылько з танка косты пувытягалы тэйі упалэвшы і, — кажу, — там пухуроняны ны уднэ вунэ, — кажу, — там шэ такіх назбыралы, — кажу, — такую брацку мугілу зрубэлы». А вуна кажэ: «О, дочка, хоть тэ мні русказала про моего сыночка всё». Ну, і после того вжэ тая маты зайіхала і я, дурынь, ны спытала, скіль вуна, бо всё гувурэлы такое о і я после Наді кажу: «Чом я йійі ны спытала уткуда вуна, тая баба». І вуна зайіхала, і, мусыть, зайшла тудэ, ну так як о в нас, в городі ідуть там дупэтуюцця там чы в райсабесы, чы в райсполкомы. Зайшла вэдно і русказала. І после вуйнэ вжэ много літ пруйшло, нас зубралы в клубе, дві бабы чы трэ було з Галачова. Німцы забралы, ім було по трынаццать, по чэтырнаццать літ, на прінудітельны руботы в Гірманію іх забралы. І пріййіхав з Брэста корэспондент, і давай пытаты, як тут начіналася вуйна. А о тая Валя Горнічіха кажэ: «Жалко шо здесь нет Хоменкі, він бы всё русказав». Кажу: «Валя, туж Хоменкі шэ і ны було тугдэ, і ны хаты, і нычого, — кажу, — Хоменкі жылэ на Забір'і, — кажу, — бо мэ после вуйнэ, нас батько завів тудэ як німыць сыло спалэв». Бо я польскій язык, сім літ, я польскій язык знала.

Бо ду мого батька пулякі худэлы. Я пупольскі шчыбычу, я … ны рузбырэш мэнэ з пулякамы, шо пуляк, шо я. Я всё, вшыстко розуме. І німецкій я язык, бо худэла в німецку школу, ай, цвай, драй, это ду десяті нас учелы шчітаты понімецкі. Я кажу, я вжэ трі язэка знала: беларускій, польскій і німецкій. Я была вэймэ чуткая, добрэ зренне міла, я мугла бы буты разведчіком. Путайная була, нэц ны скажу, а бігаты. В нас булэ там німецкі курувэ стуялы, там як я кажу, в Шумыны. І там нашы дуйілы дуяркі, ну, нашы рускі. А удён пуляк жынэвся на нашуй девцы, вуна була тожэ дуяркую. І я, тут був, мэйі бабулі сэн, ну, юму, мусыть, було літ двінаццать, такі бальшэй мальчік. Він прыбыжэть сюда: «Олька, пашлі на Шумын!». Я кажу: «Пашлі!» Я як той разведчік бігала, шмэдка була, пу дэрвувы лазыла, німцям букет чырэмуху ламала. Тут булэ німецкі манёбры в нас на гулыці, кухня була, чырвоный сахар рубэв німыць. О, я всё разведувала, всё, той чырвоный сахар вурушэлы. Ну, і, это, зайдым з тэм Петькію. А той Кулік, він поляк, фамілія Кулік, говорыть попольскему. А я вшыстко розуме. Вунэ там гуворать по-польску і там німцям тэм пэрыводыть. А я, бігаемо мэ з Петькую, ныбыто ландышы рвэм, фіялкі на букетік. Вунэ думають, шо діты нэц ны понімають. Вунэ гуворать, а мэ, а я всютко вэслухаю. Ідэм дурогую, я кажу Петькувы, кажу: «Тэ знайіш, шо Кулік гувурэв, шо бэньдзе война, о то бэньдзе война». А він кажэ: «А шо то такое?». Кажу: «Шо тэ нэц ны понімайіш, война, — кажу, — казав шо вуйна о хутко будэ». А він кажэ: «Ну да?!» Я кажу: «Да, ну, — кажу, — я добрэ пунняла, шо бэньдзе война, о то ж бэньдзе война». Я кажу: «Петьку, хутчэй пашлі дудому». Мэ прыходымо, тут мій батько і Таньчын батько, два сусіды, выводять коны з хлівів, запрагаты, йіхаты в полэ зажынаты жэто. Мэ пудбыгаймо, я як быз зуху, задэхалася. Шо мні сім літ. Петька більшый, він хутчэй быжэть, я юго нагнаты ны мугу. Я прыходжу і кажу батькувы: «Ны йідьтэ в полэ, шо мэ будэм рубэты, я бігала на Шумын, Кулік казав, шо будэ война, о то бэньдзе война». І Петька кажэ: «І я тое чув». Батько кажэ: «Васэль, руспрагаймо коны, убыждымо». Ну той Васэль кажэ: «Я вызу ду Марыканьця, ду млына мулоты». А мій батько руспряг куня і знов завів в сарай. Ой, і тугдэ давай, тэйі німцы зрубэлы цэп, Катюша кулу Катюшы, і давай сыло палэты, гранаты в схроны кідаты і всё. І вжэ посля, як вжэ пэрэсталы кідаты гранаты, людэ давай з схронув вэлазыты. І я чую, німыць вэйшов, там кулу сусіднюго схрона став і кажэ: «Хто шэ встався жывэй йідзіце до Малой Ракавіцы, бо тут бэньдзе ідці велькій бой». Я бігом з-пуд схрона, клуня вжэ дугарае, между тэмы усмалкамы, прыходжу пуд хату, хаты вжэ ныма. Хата згуріла, дошч пушов, куры ходять, убмоклы. Батька ныгдэ ны вэдно, маты ранюна, пуд куліном вэрвало усколком, всё гранаты в йійі кінув. О, в матыра кров быжэть з нугі, маты хустку з гулувэ, ногу зав’язала. О, а на нас німцы дэвляцця як тэйі звері, стуят. І тугдэ дэсь батько, а батько, в нас за гуродом стуяв стужок сіна. Батько дэрку вэскубав і вліз туда в тое сіно, і сіном тэм знов заткнувся. І вжэ батько пучув, шо мэ ходымо, гуворымо кулу хаты тэйі спаленыйі, прышов пуд нас. Тутака вжэ сусідка з дытьмэ, вжэ тэйі сусіды і мэ так всі капэлыю пушлэ на тое Забір’е, а то там кажэ Олька жывэ Савэчына з Хоменком. Ой, я пу туму запомніла і кажу Валі, шо тут Хоменкі ны було. Кажу, тут хатэ тылько булэ о пу вэгун, а там, кажу, ныгдэ ны уднэйі хаты ны було,

бо я каждый дэнь туда на той Шумын бігала. Всё слухала, шо той Кулік гуворыть по-польскему, а я пырыводжу на руске. О так, девочкі, було.

— *А якога Вы года нараджэння?*

— З тріццать четвёртуго. І мні о там у городі, я зымою була в сыстрэ, мні пуд вусьмое марта прыслалы такі бальшый кунверт, пісьмо такое прыслалы. І там сусідка прышла ду мэйі сыстрэ і кажэ: «А шо ж тэ за такая вітіранка, ту ж тэ шэ була пацанка». Я кажу: «Ну і шо, шо я була пацанка». Я кажу: «А я, прійіхала удного маты і я юй русказала слово в слово, і, — кажу, — точно сбылося». Як йийі, кажу, сэн пугіб, і русказала, і всё, кажу, тое справдылося. Кажу, скіль бы баба знала, як йийі сэн пугіб, а я, кажу, юй руска..., а юй сказалы, шо в сіх краях. А як він пугіб в сіх краях, а я, кажу, а я юй русказала, як він пугіб. Як на клуню лазыв, як в танковы йіхав, як крічав палімёт впірёд, дэ, кажу, в якіх містах пудбэлы, дэ пухуроняный. Я кажу, і бабы на душі лёкшій стало. Бо вуна взнала і кажэ: «О, дочка сімілетняя і всё мні русказала пру мого сына». І вунэ замувчалы, тая сусідка.

Што спявалі

— Я кажу, от і я вэбылася впірёд, і я о на дускі пачёта в клубе разом з вітіранамы. Чуйіш, дэ якая густэна, дэ шо. Нас збэралы такіх о во і сфутуграфірувалы. Мні булэ всігда прыгласітельнэ на дівятуго мая. Прынысуть прыгласітельнэ, я йіду туда. Тут шэ удна була тётка, вітірана жінка. О, я з ею йіду, з вітіранамы. Там вунэ, это, в кафэ нас выдуть, я ім пісню спываю. Чуйіш зайідымо мэ шэ, по это, давалы на два мужыка бутэлку водкі, угошчалы нас в кафэ в Мутыкалах на дівятуго мая. Ну, і вжэ сталы там, ну, мужыкі, то ж там і мулодчі мужыкі булэ. Вжэ пудупьють, тут в нас був Наді батько, Новік Іван. Тэх як я казала: «Дядя Ваня, Вітэ тэх бляшныків навішалы, — кажу, — хоть бы заспывалы пісню якую вітіранску». А він кажэ: «Нічево, Ольга, я ні вмею». Я кажу: «Шо Вітэ за такій вітіран, бляшныків заслужэлы, — кажу, — а ныякійі пісні ны вэучілы». Я кажу: «Вітіраны, давайтэ я вам заспываю». Мні хлопають, я давай:

Пад зелёнаю ракітой
Рускі раняной лежал,
А в груді штыхом пробітый
Красный орден пріжымал.

— Тыко в мэнэ тугдэ голос був, а шо мні зара вусімдісятый год, дрыжыть весь голос.

Красный орден пріжымал,
Кровь лілася с свежей раны
На істопчаной пісок,
А над нім кружітся ворон,
Чуе ласковый кусок.
Ой, ты, птіца, чёрный ворон,
Шо так вьёсся надо мной?
Ты здобычі не добьёсся,
Я солдат ешчё жывой.
Ты здобычі не дьбьёсся,
Я солдат ешчё жывой.
Перідай-ка, птіца ворон,
Прівет маміньке родной
І жыне маёй любімой
Платок, кровью облітой.
І жыне маёй любімой
Платок, кровью облітой.
Перідайка, птіца ворон,
Прівет маміньке родной,
Што погіб за руску землю
Пад савецкаю звіздой.
Што погіб за руску землю
Пад савецкаю звіздой.

— Ну як?

— *Вельмі прыгожая песня.*

— Нічіво, як мні на восімдісят літ. А я о тую пісню «Свадьба в Малінавке». Я тое кіно бачіла пару раз, як там пудпалэв той стога. Вітэ бачілы?

— Бачылі.

— Як той артіст йідэ на кунёвы і спывае пісню:

Ой прі лужку, прі лужку,
Прі зілёнай волі,
Прі знакомом табуне
Конь гулял па волі.
Прі знакомом табуне
Конь гулял па волі.
Конь гулял па волі,
Салдат па ніволі.
Ой, гуляй-гуляй мой конь
Пока не споймаю.
Як споймаю — зауздаю
Шелкавай уздою.
Тронул шпоры під бока,
Конь летіт стрілою.
Ой, леті-леті мой конь,
Як віхор несіся.
Протів мілый іль боса
Конь остановіся.
Перед воротамы
Стукну копытамы,
Кіль ны вэйдэ моя мыла
С чорнымы бровамы.
Ой, ны вэйшла мыла,
Вэйшла ейі маты.
Здраствуй-здраствуй, любый зять,
Пожалей до хаты.
Я до хаты ны пійду,
Пійду до свэтлэці,
Разбужу я в крепком сне
Красную девіцу.
Девіца устала,
Сон свій одгадала,
Правай ручкай обняла,
Шэй пацелавала.
Ой, ты, парінь маладой,
Не жартуй са мною.
Я заручена с другім,
Не магу с табою.

— Ну шо, девочкі, ніцево я моге пець?

— Вельмі прыгожа.

— Бэньдзе ладне?

— Да.

(Смяецца).

— Вы розумеце цо-небудзь по-польскему?

— Розуме, пятэ через дзесятэ. Ой, я спывала, я була пэршэ запывайло.

Дал ему пріказ на запад,
На чужую старану.
Ухаділі камсамольцы
На гражданскаю вайну.
Ухаділі камсамольцы
На гражданскаю вайну.
Ухаділі — гаварілі,
Што на свете люба жыть.
Ізабільная радная
Слався руская зімля.
Ізабільная радная
Слався руская зімля.

Як жылі

— Вы замужам былі?

— А, в мэнэ був такая п'яныця. Я з йім жыла дваццыть удён год. І він жэв на Сібір'йі. Пушов в армію, там жынэвся на сібірячцы і там став вэймэ пэты, і юго тая сібірячка вэгнала. І тут ныдалэко юго маты жыла, ну, юго родітелі, сыстра з дытьмэ. Усь тутака сусід мій пас курувэ калхозны. І він прійіхав, юму ны було дэ, шо там в тэйі Валькі, свуйіх було трое дытэй, в сыстрэ. Мужэк кінув, в юго сыстрэ. Батько був быз рукі, маты вжэ старая. І той Костя Мурузюк кажэ: «Міша, я тубі пусватаю бабу». О, а я, девочкі, в трінаццать літ. Тут в мэнэ батько пусадэв чырэмыху, вуна так красіво цвыла тая чырэмыха, а после вуйнэ ны було чуго йісты. То ж сыло спалэлы всё.

Шо було йісты? Пулякув вэвызлы за Буг. Нас вэслалы пуд Вылэкі Шчытныкі в тэйі хатэ польскі, на кіломытэр хата ут хаты тэх пулякув. І нас туда вэслалы, йісты ны було чуго, зэмно, палэты ны було чуго. Я цілу зэму пэрэзэмую в лісы. Там ныдалэко лісок такій був. Я ду убіда йіду, зрубаю трэ-штэры бэрозкі, тягну. Прытягну, пурубаю. После убіда знов йіду, бо ныма чэм палэты. І мні було трінаццать літ і я прыйшла в сыло сюда о, на свую батьковшчіну. А тая такая чорна чырэмыха, дуспіла, тэйі ягудэ. А я ж так любэла пу дэрвы лазыты. Влізла я на туюу чырэмыху, рву, вуна такая сладка, тая чырэмыха. І я злазыла з тэйі чырэмыхі, гуля убламэлася і я впала, і вэбыла ліву нугу в суставе. І мэнэ завызлэ, дядько мій мэнэ... Маты пупрусэла, удён пуляк шэ ны вэйіхав, в юго була кубэла свуя. І маты юго пупрусэла, ну, заплатэла юму, помню дваццыть п'ять тэсяч на старэйі грошы дала. Він мэнэ завіз ду Лэшчыч у бульніцу. І там Замулка кажэ: «Ну, шо я тэбэ буду трыматы тут». Утправылы мэнэ в Брэст у бульніцу, вэзвав скору з Брэста той Замулка. Бо я ж ны мугла, я ж, нуга вэбыта, я лыжяла, мэнэ нусэлы. Пуложать на плахту і з уднэйі стурунэуднэ бырэ за два кунці, з другійі друге бырэ і мэнэ так нысуть ду воза, а я ныкудэшна. Шо, нуга вэйшла з суставу. І мэнэ завызлэ в туюу убласную бульніцу на Леніна і там врач був Букач. Вчыпэлы мні два кірпічі, зрубэлы такую вэтяжку. Куб вытягувало ногу. А я вэсла на палку. Рано прэдуть врачі на убход, а я кажу, а я лыжу плачу. А Букач кажэ: «Дочка, ні плачь, ты скоро поправісця, ешчё врача на свадьбу прігласіш». А я кажу: «Ага, пуправлюся на тэх кірпічах, а шо мні кірпічі ногу пуставлять на місцэ». Наплачуся, лыжу, вунэ мэнэ угаварують. Ну й, вэсла я на палучку, і тая нуга мні, шо ж кірпічі направлять. Маты ду мэнэ прійіхала, ну, с свэю сыстрою. Вуна була муя мамулька, тая тётка Пашка. І я йіх прушу, кажу: «Забырітэ мэнэ дудому. Я буду вмыраты». А тэйі... Ну, і маты пушла, там нашла туго врача, а там заведуюшчый був Ільйін фамілія. Казалы, шо він грузін, такій чорный, здаровый дядько. І кажэ: «Забірайте, вы её да вакзала ні давізёте». А тая мамулька просыть, кажэ. А там пудсказала бульнэйі, шо е павозка такая, дядько возыть на павозцы ду вакзала. Ну, тая тётка, мамулька, пушла, пухудэла і сказала вжэ тэм браттям, шо як мэ йійі ду вакзала дунысэмо. Шо ж, на плахты ныcты будут. І він дав туюу павозку, того дядька, мэнэ з тэю плахтую влужэлы в павозку, прывызлэ ду вакзала, прывызлэ ду Лэшчыч. Ну знялэ на вакзале, там пумуглэ люды зняты мэнэ і маты мні кажэ: «Тэ пулыжэ, а я пуйду тутака пупрушу куго, шоб тэбэ дудому, тудэ на хутор, — мэ жылэ там на хуторы, — шоб, — кажэ, — тэбэ завіз дудому». Пушла вуна найшла, вжэ ныч. Той дядько сугласэвся, прывіз мэнэ тудэ на кулёнію, о, ну, і я лыжу, лыжу і так о як вэкрунуся вжэ на лівій бік, бо в мэнэ вжэ на спэны пролыжні булэ, шо я всё на спэну лыжала, на тэх кірпічах. В мэнэ зрубэлыся пролыжні і я вэкрунусь на лівій бік, а мэнэ тут дэ нуга вэйшла з сустава такіе чырвоны пятно. І прыйшла ду нас баба, матэрына маты, і я кажу, шо вжэ мні тут о ны так булэт. Я пувырнулася, а вуна кажэ: «О, в тэбэ такое чырвонэ пятно, чуго вуно». І так пробуе і пробуе. Кажэ: «А, в тэбэ ямка, — кажэ, — знайіш, шо в тэбэ нуга вэбыта». Я кажу: «О кулэ Вітэ поннялы, шо вэбыта нуга, почему, — кажу, — ны раньшэ, булэ бы мэнэ ду куступрава завызлэ бы». В Мэнькувыч був куступрав. В діда кінь був, то не хутчэй в бульніцу путягнулы. Ну, і я так була, мусыть, с пувгода. Кулу хаты давай всё худэла з палкію, после стала худэты быз палкі, накульгувала троху, троху вуна в мэнэ,

ны дужо, була куротча, ліва нуга. Худэла з палкію, посля стала худэты на руботу, мэнэ вызывалы туда, на тую кумісію, првуэрялы, далэ мні втарую групу. О, я худэла на руботу, п’ять літ в тіпліцы рубэла, брыгадір на вісувую пуставыв, там як шо возять, вузэлы торг, навоз возять, всё через віса важылы. Мэнэ станувэть на віса, я важу стую всё. О, і той Костя кажэ тому Мішкувы, Мішка вжэ прійіхав.

Як ворожылы

Девочкі, і вуружінне справляйіцця. Слухайтэ, тутака в нас удна прійіхала пулячка, а тут уднэйі сэн, вжэ юго мілы, ну, садувэты за рышотку. Вуна ду мэнэ прыходыть, тая баба Манька, і кажэ: «Олька, пашлі ду Кукушкі, мні трэба пувуружэты». А я кажу: «Пашлі». Заходым мэ тудэ далій, ду тэйі Кукушкі, фамілія Кукушкі. Вуна рускінула карты юй і кажэ: «Хм, — дэвіцця на ейі і кажэ, — шо-то вашуму сэнувы предстуіт казённый дом». А вуна сразу сбэліла, тая Манька. Ну, і так о далій трэ разы рузлужэла і кажэ: «Він будэ в казённум думові, но я, — кажэ, — ны мугу пуняты». Казённый дом і бульніца, то ж так ворожка ны скажэ, і казённый дом тюрма. А я йійі тулкаю, тюрма будэ, бо він там удному всадэв штахету в голову, з гоздём, свадьба була і юго за тое судэлы. О, ну далэ мэ юй по трэ рублі, тылько кусты на старэйі грошы. І я юй кажу: «А пувуружітэ мні, шо мэнэ впэрэді ждэ». Вуна рускладуе карты і кажэ мні: «Ду тэбэ будэ траплятыся мужэк червенный, він жывэ зара вэймэ далёко, но він через пару літ прійідэ і ты будеш з йім жэты». Я думаю, шо вуна плытэ тая баба, дэ червенный, в світы далёко жывэ і він прійідэ сюдэ і будэ зу мною жэты. Вэйшлы мэ на двір і я юй кажу, тый бабы Маньцы, кажу: «Ну Вам то сказала правду, а мні не, — кажу, — червенный, в світы будэ сюдэ йіхаты». І, девочкі, пруйшло, мусыть, ны знаю скілько літ, і точно. Прійіхав о ду матыра. Той Мурузюк пас курувэ і він пас калхозны курувэ. Прыходять вунэ в вэчуры убэдва. Той Костя кажэ: «Олька, я тубі прывів Мішку, я, — кажэ, — хучу вас спаруваты. Тэ удна, дукіль тэ будэш удна, тубі удный тяжко, — кажэ, — хазяйство дыржэш, двое свынэй, курова, куры, всё, сама всё робыш». Я кажу: «А я ду руботы прывэчна, — я кажу, — я быз руботы ны мугу, о, — а я кажу, — а начёрта я юму сдалася, шо він ліпшыйі ны найдэ». А він кажэ: «Знайіш шо, я бы тэбэ ны пруміняв бы на якую-ныбудь такую упіёшу, як тут е бабэ, — кажэ, — тэ хазяйка добра, тэ ны запывайісся, нычого, хазяйство добрэ выдэш, тэ всё рубэты вмійіш». Ну, і всё так пугувурэлы, посля той Мішка знов прышов. Ну, і так він пружэв, той Мішка, в мэнэ дваццыть удён год.

— *А дзеці ў Вас былі?*

— Не, а я вжэ була ны мулудая, ны було дытэй.

— *Як Вы святкавалі Івана-Купалу?*

— В нас тут такій пыружок був, то в вэчіры кастёр палэлы, шэ була раз трава загурілася, то давай тушэты, то я і свэтра спалэла, траву бэла, куб далій ны пушло. Пудпылэ троху і пуйшло пу траві сухій, давай трава гуріты. А я кажу: «Шо вітэ робытэ? То ж сыло спалымо, дуйдэ ду сыла. Трава бальшая, ны пукошанэ, там на пыружковы». І это, і пушло пу траві сухій, а вуно пламынём, чуть-чуть вжэ і оньдэ, і палахае.

Пра Сталіна

— Я худэла ду школы во втарэй клас. Була в нас учітельніца Кулёнок. Каждый тэждынь в нас було пеніе і мэ спывалы пісню. Тугдэ Сталін був, пру Сталіна.

Сабіралісь казаченькі,
Сабіралісь на заре.
Думу думалі бальшую
На калхозным, на дворе.
Чтобы нам сейчас, ребята,
В гості Сталіна позвать,
Чтобы Сталіну родному
Все богатства показать.
Показать бы, похваліться
Нашей схваткой байівой.
Пріезджай, товарішч Сталін,
Пріезджай, отец радной.
Пріезджай, товарішч Сталін,
Пріезджай, отец радной.
Будіш ехать сам увідеш,
На калхозным, на дворе
Расцвітают наші деті
Алым цветом на заре.
Расцвітают наші деті
Алым цветом на заре.
Будіш ехать сам увідеш,
Палюбуйся красатой,
Як хлеба цветістым маем
Уміваецца расой.
Як хліба цветістым маем
Уміваецца расой.
Будіш ехать сам увідеш,
На калхозным, на дворе
Расцвітают наші деті
Алым цветом на заре.

— А колькі Вы класаў закончылі?

— Ой, трэ класы, дуругенька, мало я кончіла, бо мэ жылэ, мусыть, кіломытрув штэры ут школы, а вбутысь ны було в шо, зыма, снігу за куліна, як то з хутора було йты далэко. Сюдэ о до сёго сыла, мусыть, було кіломытрув два йты. А шэ утсіль ду школы було в Вельмовычы. І я на ногу забуліла в трінаццыть літ і всё. Вжэ як на ногу забуліла, муя школа кончілась, а учэлася я добрэ, о то учэлася добрэ. В мэнэ був талант такій ду всёго, і ду песінь, і ду наукі, тылько бачітэ шо, ніпавізло, впала з чырэмыхі і всё. Ну, алі якось жыла, шэ була мулудая, а тыпірычко о пустаріла, зрубэла упірацыю на око, спыршу ныбы бачыла ліпій, а тыпірычко вжэ ут шыстого мая пушов вусімдісятый год, всё сліза з юго йдэ. І мні катаракта затягуе очі і я ныхулеры ны бачу. Капала, а вжэ тыпіро і капанне ны пумагае і всё. І тако як сама, то я буюся йты в той гурод, бо шэ пуд хату ны траплю. Шэ як выдный на двурі, то я ліпій бачу, а як нахмурыцця, я мугу з стэжкі збэтыся і дэ-ныбудь влізу в бурьян, впаду з тэю табареткію і ны вэлізу. То худэла була з двыма, то з уднэю палкію, посля з двыма, а вжэ тыпірычко стала з табаретію худэты. Дэ йду, тяжко, сяду на табаретку, пусыджу, далій йду. О, о такая, девочкі, жізь.

Пра жыта і жніво

— А Вы хадзілі раней жыта жаць?

— Ой, худэла я, і жяла, і картоплі калхозны худэла купаты, ду всёго я худэла пука мугла, а куму було рубэты, худэла. В сім літ вcталася быз батька, я всё вмію рубэты.

— А якія песні спявалі, калі жыта жалі?

— А, то спывалы, я вжэ і забулася. Як начінають шося жаты, то спывають. О, мэ, худэлы, я худэла, ну в калхоз худэла. Всё время я в калхоз худэла.

То мэ за жнываркію в’язалы, то там бабэ спывалы, тожэ тую пісню. Дзень стаіць пагодны! Я бабам так о, это, сядым на пырыкур, в’яжымо жэто, длінны палоскі, жныварка жнэ, шэ ж тэх камбаюв ны було, кіньмы тёгалы жныварку. Два, пара коны ду убіда, удна пара коны, пу убіды другу запрагають і жнуть конною жнываркію. Як глянь всё жмыні, жэто лыжэть, в радэ лыжэть. І мэ, я бабам крычу: «Бабэ, пырыкур!» А нас там будэ баб дваццыть вязаты. Кажу: «Бабэ, я вам зара стіхатваренне скажу».

Жніво

Дзень стаіць пагодны
А ня воднай хмаркі.
Па калгаснай ніве
Коцяцца жняяркі.
Роўнаю палоскаю
Следам высцілае,
Жыта ей пакорна
Каласы сцілае.
В’яжуць жонкі жыта
Спелае, буйное,
Працаваць так лёгка
Дружна гарманою.
Не баляць ім плечы
І не ломіць спіна,
Памагае ў працы
Ім цяпер машына (смяецца).

— ***А калядаваць хадзілі?***

— Ай, шо то кулядуванне? Як мэ тугдэ худэлы, тыпэр ходять кулядують, то канфеты дають, а як мэ худэлы. Як я з кулёнійі прыду, кулядую, то нам ныхто і картоплі ны вэнысэ. Ходым, змэрзным, як я сюда прыду в сыло, а пука на хутор зайду дудому, то змэрзну, лыкучу. І зайду, і там в хаты зэмно, бо палэты ныма чэм. І так, мусыть, зімів дві пухудэла, а после кажу: «А чуго я піду в такую даль?».

04.07.2014 г.

Запісала студэнтка 1 курса БрДУ імя А.С. Пушкіна па спецыяльнасці «Беларуская філалогія (літаратурна-рэдакцыйная дзейнасць)» Драгун Алеся Анатольеўна.

Захоўваецца стылістыка і арфаграфія аўтарскай мовы.

Тэкст захоўваецца ў вучэбна-фальклорнай лабараторыіі БрДУ імя А.С. Пушкіна (кіраўнік І. Швед), а таксама ў фальклорным архіве Метадычнага цэнтра (кіраўнік Г. Петруковіч) аддзела ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі (кіраўнік Л. Балашова) Брэсцкага райвыканкама.



НАРОДНЫЯ ПЕСНІ ПРЫБУЖЖА

КАЛЯДНЫЯ ПЕСНІ

Васылёва маты
Пошла мандроваты:
На новое лито
Роды, Божэ, жыто,
Жыто, пшеныцю,
Горох, сачывыцю.
Дэ долынка —
Там копынка.
С колосочка —
Жыта бочка.
А в клуны вмолитно,
А в дисцы захидна.
А в печи як рожа,
Господынька гожа.
Пич вымытае,
Пырогы сажае.
Шчодрый вэчур настав,
Мэнэ батько послав.
Рижтэ сало, кубасу,
Я й додому понысу.
У-гу-гу,
Дайтэ того, що на рогу.
Кышкы, кубаскы,
Шэй ложэчку кашкы.

Запісана студэнтам Селівонікам В.І. ад Селівонік Н.І., в. Тэльмы Брэсцкага раёна.

ВЯСЕЛЬНЫЯ ПЕСНІ

Ой, як жа мне вечара даждаці,
Бо мы едзем дзяўчыну сватаці,
А як пашлю таварыша дахаты,
А сам стану пад акно слухаці,
А сам стану пад акно слухаці,
А що-то будзе дзяўчына казаці.
Дзяўчынонька па святліцы ходзіць,
Да сэрдэнька белы ручкі ломыць

Ды мацеры пацiху гаворыць:
— Мацi, мацi, парадніца ў хаце,
Парадзь мне, шчо людзям казацi.
Цi мне, мацi, ручанькi давацi,
Цi маладой лягаць умiрацi?
— Лепей, доню, ручанькi давацi,
Чым маладой лягацi ўмiрацi.
— Лепей, мацi, на тым свеце гнiцi,
Чым з нялюбым на гэтым свеце жыцi.
Пашый, мацi, белу сарочку,
Схавай мяне ў вішнёвым садочку,
Высып, мацi, высокую магiлу,
Пасадзi на ёй чырвоную калiну.
Прыйдуць хлопцы па саду гулянi,
Будуць хлопцы калiну ламацi.
Тут калiна салодка, не гiрка,
Бо тут ляжыць засватана дзiўка.

Запiсана студэнткай Рудскай М. ад Барысюк Вольгi,
в. Астрамечава Брэсцкага раёна.

***

У нашуго свата гулува кудлата,
Гулувою путрасэ, нам горилки прынысэ.

Ой, знаты, знаты, хто любыть дружку:
Вытуптаў стэжыньку чэрыз пэтрушку.

Ой, знаты, знаты, хто нэжинатый
Набик шапоньку — пушоў гуляты.

Ой, знаты, знаты, хто ўжэнывся,
Скорчывся, згорбывся, шэй зажурывся.

Запiсана ад Дзямешка Еўдакii Iванаўны (40 год ў 1960 г.),
в. Каростычы Брэсцкага раёна.

***

Ой, родэ, родэ вэльмо богаты
Нэ стый у синях, просым до хаты,
Пэрепываты.
Нэвэлыкым даром — бытым доляром,
Нэвэлыкым бытом — пшэныцею, жытом,
Кiньмы, воламы шэй коровамы.

Заўвага iнфарманта: спяваюць пры дзяленнi караваю.
Запiсана студэнткай Ульянiцкай В.I. ад Валынчук Марыi Раманаўны
(1901 г.н.), в. Плоска Брэсцкага раёна.

***

Хуруша краса Зосенька наша,
Як з вэнцю прыихала,
Похуришчала, покраснийшала.
Еи матюнка, еи ридная
На еи поглядае
— Дэсь ты, дочэнька, калыною ўмывалась,
Розою втыралась.
— Я калыною нэ ўмывалась,
Розою нэ ўтыралась.
Я вудыцёю ўмывалась,
Ручнычком втыралась,
Я такая, як муй батэнько,
На пусаг удалась.

Запісана студэнткай Ульяніцкай В.І. ад Валынчук Марыі Раманаўны (1901 г.н.), в. Плоска Брэсцкага раёна.

***

Зосенька батэнькувы одслужыла,
На стули сэрпочка положыла.
Хто тым сэрпочком будэ жаты?
Будэ батэнько прынайматы,
Чытыры злоты в дэнь даваты.
Так нэ будэ вирно жаты,
Будэ на сонычко поглядаты.
Хучий, сонычко, за хмараньку,
А нам, жинчикам, додоманьку.

Заўвага інфарманта: спяваюць, як нявеста адʼязджае да жаніха.

Запісана студэнткай Ульяніцкай В.І. ад Валынчук Марыі Раманаўны (1901 г.н.), в. Плоска Брэсцкага раёна.

***

Оличка по саду ходыла,
Цвит-калыну ломала,
До лычка прыкладала,
Свою матыньку пытала:
— Чы я буду такая,
Як калынонька сяя?
— Будэш, дытя, будэш,
Покыль у мэнэ будэш.
Як пуйдыш до чужого
До свикорка свого,
То спадэ з лиця краса,

Як од сонэйка раса.
Высушыть головоньку,
Як витёр круту гороньку,
Як туман лышчыноньку,
Так той чужый батынько
Чужую дытыноньку.

Запісана студэнткай Ульяніцкай В.І. ад Валынчук Марыі Раманаўны (1901 г.н.), в. Плоска Брэсцкага раёна.

***

В суботоньку звычороньку,
В нэдилю поранэнько
Там маты сына выражала,
Выражаючы, навучала:
— Нэ ийды, сыноньку, до дивоньки,
А впэрод поийдь до цэрковки.
Як выслухаеш обидоньку,
Тогды поийдэш до дивонькы.
— Быстрого, матынько, коня маю,
На поводах нэ втрымаю,
Шелковы поводы порывае —
Так до дивоньки поспешае.

Заўвага інфарманта: песню пяюць госці маладога перад ад'ездам жаніха да нявесты.

Запісана студэнткай Ульяніцкай В.І. ад Валынчук Марыі Раманаўны (1901 г.н.), в. Плоска Брэсцкага раёна.

***

— Ой, на дэнь добрый, добрые люды, нам до вас,
Чы ны прыплыла наша й утонька тут до вас?
— А якая й ваша ўтонька, якая?
— Наша й утонька мыж вашымы значная:
Чорное крыльцэ, билое пэрцэ — такая.
Ой, на дэнь добры добрыи люды нам до вас,
Дэсь заблудыло наше й дитятко тут до вас.
— Ой, яко ей ваш эй дитятко, якое?
— Наше й дитятко мыж вашымы значное:
Билое лычко, чорное очко — такое.

Запісана студэнтам Селівонікам Віктарам Іванавічам ад Селівонік Наталлі Іосіфаўны (1902 г.н.), в. Тэльмы Брэсцкага раёна.

***

— Ой, чы радый ты, а муй батэньку,
мойому прывозовы?
Ой, а чы рад, ой, а чы рад
той за стил завыдимо.
Ой, чы ны рад, ой, чы ны рад,
той назад одвэзимо.
— Ой, радый я був ты, муй сыноньку,
як ты вродывся,
Тэпэр раднийши, шей высылийши,
шо вжэ ты й ожынывся.
Ой, радый я був, ты муй сыноньку,
як тыбэ вповывалы.
Тэпэр раднийши шей вэсылийши,
що тыбэ й вквытовалы.

Запісана студэнтам Селівонікам Віктарам Іванавічам ад Селівонік Наталлі Іосіфаўны (1902 г.н.), в. Тэльмы Брэсцкага раёна.

***

Ридны батэнько, розвытаймося,
Розвытаймося, росстаемося,
Запылы мэнэ на столи ў тэбэ.
За столык зайдэш — мэнэ ўспумынэш:
Дэсь муе дытятко на чужуй сторонцы,
На чужуй сторонцы ў чужого батэнька,
А чужый батынько бэз выны карае,
Бэз выны карае, бэз вуды ўмывае,
Слёзкамы ўмыесся, ручкамы ўтырэсся.

Запісана ад Дзямешка Еўдакіі Іванаўны (1920 г.н.), в. Каростычы Брэсцкага раёна.

***

Ой, нэ рый, нэ рый яра пчолунька по бору,
Идэ Колечка из дружыною додому,
Як прийхав вун пуд вуротэчка схупывся,
Свуюй матёнцы ду билых нужок склунывся.
— Ой, ны гардуй, моя матюнка на мынэ,
Шчо я привиз чужое дытя ду тэбэ.
— Чы добры будэш, муй сыночок, ду мэнэ,
То прыйму чужое дытя ду сэбэ.
Як гордый будыш, муй сыночку, ду мэнэ,
То ўдэшлю чужое дытя од сэбэ.

Запісана ад Дзямешка Еўдакіі Іванаўны (1920 г.н.), в. Каростычы Брэсцкага раёна.

ВЯСЕЛЬНЫЯ ПРЫПЕЎКІ

Ой, казалы ворогы,
Говорылы люды,
Шо нашому Ванички
Парочки ны будэ.

***

Ой, казалы вороги,
Шо ны ожэнюся,
Я й такую жинку взяв,
Шо й ны надывлюся.

***

Ой, осот на чырот
Ны нахылыцця,
А Ванюша на Верочку
Ны надывыцця.

***

Ой, осот на чырот
Ужэ нахылывся,
А Ванюша на Верочку
Ужэ надыввся.

***

Ой, маты, моя маты
Нашо мэнэ жэныш,
Забэруть мынэ в солдаты,
Куды жинку диныш.

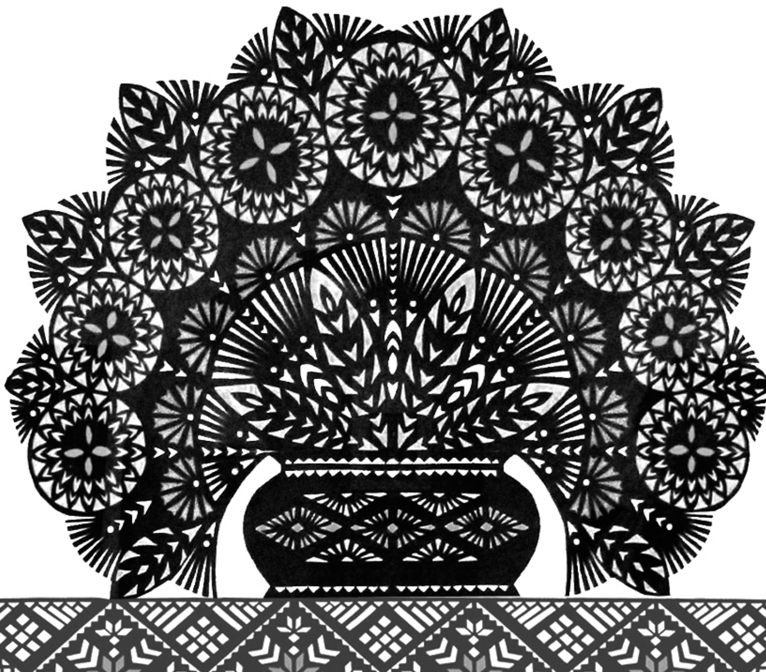
***

Выпыты то то я,
Закусыты то то я,
До роботы блять бокы,
Бо ны сыла моя.

*Запісана студэнтам Селівонікам Віктарам Іванавічам
ад Селівонік Наталлі Іосіфаўны (1902 г.н.), в. Тэльмы Брэсцкага раёна.*

Заўвага. *Матэрыял быў сабраны студэнтамі Брэсцкага педагагічнага інстытута под кіраўніцтвам прафесара Уладзіміра Калесніка ў 60-х гадах мінулага стагоддзя. Вытрымана стылістыка і арфаграфія аўтарскай мовы. Захоўваецца ў вучэбна-фальклорнай лабараторыі БрДУ імя А.С. Пушкіна (кіраўнік І.А. Швед).*

НАРОДНЫЯ СВЯТЫ І ЗВЫЧАІ БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ



Восеньскія святы на Прыбужжы

«Богославў хлопцаў по дэвчатём разослав»



Іна Швед,
доктар філалагічных навук, прафесар кафедры беларускага літаратуразнаўства БрДУ імя А.С. Пушкіна

На Берасцейшчыне святкуюцца такія восеньскія святы, як Макавей (14 жніўня), Яблычны Спас (19 жніўня паводле праваслаўнага календара), Першая Прачыстая (28 жніўня), Галавасек (11 верасня), Цуды (19 верасня), Другая Прачыстая (21 верасня) і інш. Называюць звычайна 12 гадавых святаў, апошнім з якіх лічыцца Увядзенне ў храм Божай Маці ці Мікола Зімовы (19 снежня ў праваслаўных):

«Ну вот начиная с Рождества Христова и заканчивая Введением 4 декабря. Там еще Микола будет. Вот последний праздник. Вот в эти праздники не надо что-то делать. Резать, где-то что-то пилить, сядь-ка, посиди лучше. Если люди идут в церковь, посиди, не надо. У нас в деревне, я жила в Малых Зводах, там была такая баба Миля, жила такая у нас, Абромчук, она католичка. Она католические праздники очень праздновала. Но вот нельзя, если человек празднует, зачем соседу стирать белье, развешивать, зачем ему грязь свою? Не надо. У нее праздник, ну и ты попразднуй с ними. Праздников у нас в жизни не много. Надо уважать. Я считаю, это самое главное» (Зводы Брэсцкага р-на; Брынза Вера Фамінічна, 1949 г.н., беларуска, зак. 10 кл. сярэдняй шк., праваслаўная).

Усе гэтыя святы апавіты сістэмай вераванняў, забаронаў (у першую чаргу, на працу), абрадаў. Прыкладам, Першая Прачыстая лічылася святам ураджаю,

у гэты дзень свяцілі розныя расліны, зерне: *«Вот на Сплениe, на Успение, на Успінне, как у нас говорят, мы все время святим цветочки в церкви. Ну, у нас гвоздики в основном, ну, знаете, такие крупные, астрочки тоже туда, барвинак, его еще святым деревом называют. Оно пахнет очень вкусно. Вот его приносили с церкви, оно посвященное. С церкви приносишь, ставишь на окно, и оно высыхает и стоит до следующего года»* (Ляплёўка Брэсцкага р-на; Лялько Лідзія Іванаўна, 1957 г.н., беларуска, выш. адук., правасл., мясцовая).

Адмысловымі храналагічнымі межамі, якія падзяляюць год на лета і зіму, лічацца святы Уздзвіжанне і Пакровы. Уздзвіжанне (Чэсны Хрэст), паводле праваслаўнага календара, адзначаецца 27 верасня, а каталіцкага — 14 верасня. Вераць, што ў гэтае свята зямля пачынае рухацца, «уздзвігацца» на зіму, і ў яе ўваходзяць вужы, гадзюкі, яшчаркі, каб застацца там да Благавешчання — храналагічнай мяжы лета. На Уздзвіжанне паўсюдна забаранялася хадзіць у лес, каб не сустрэцца з «гадамі», якія нібыта збіраюцца ў вялікія клубы: *«Нельзя в лес. Потому што змеи собираются. Люди видели много этих змей»* (Ляплёўка Брэсцкага р-на; Лялько Лідзія Іванаўна); *«Это тот празднік не добрэ ідці ў лес. Мы адзін раз пайшлі з адной жэншчіной па грыбы, вот сюда, как на Александрова ісці, глянула: і тут вуж, і тут вуж, і тут вуж! Я думала, сэрца лопнэ. Як я выскочыла і стала крычаць, ана прышла і мы домой пошлі. Так шо лучшэ не ідці на Уздзвіжанне ў лес, лучшэ не ідці»* (Орхава Брэсцкага р-на; Жук Соф'я Трафімаўна, 1926 г.н., беларуска, правасл., мясцовая, скончыла пяць кл.). Гэтая выключная праява актыўнасці «гадаў» можа тлумачыцца тым, што змеі святкуюць свае «вяселлі» перад тым, як выправіцца на зімоўку: *«На Воздвиженье в лес ходить нелься. У змей как раз свадьбы какие-то, и они уходят куда-то... Прячутся на зиму. В землю»* (Зводы Брэсцкага р-на; Брынза Вера Фамінічна). Калі ўжо давялося ў гэты дзень трапіць у лес, то не трэба чапаць гэтых істот, а «быць з Богам»: [А если человек подойдет, что будет?] *Могут напасть, покусать. Но я была в прошлом году в Пружанской пуще 27-го... Ничего, видела змей, ужей... Не трогай. Не обращай внимания. Они своими делами занимаются, а ты своими. Идешь с Богом и выйди с Богом. Не делай вреда...»* (Зводы Брэсцкага р-на; Брынза Вера Фамінічна). Асоба рэгламентавалася ў свята Уздзвіжання практыка прынясення чаго-небудзь з лесу. Лічылася, што ўсё (як станоўча, так і адмоўна ацэненае) прынесенае ў чалавечую прастору будзе весціся, пладзіцца, добра расці: *«И, если дохаты принесешь что-нибудь такое вот, там лягушку, что-нибудь такое, то будет водиться все время в хате вот это... А вообще вот, если хочешь что-нибудь хорошее такое посадить в этот день или что такое, то тоже будет вестись»* (Ляплёўка Брэсцкага р-на; Лялько Лідзія Іванаўна).

Як пачатак восеньскіх вяселляў вядома на Берасцейшчыне свята Багуслаў (9 кастрычніка), які «сватоў разаслаў», а «на Покрова — дівка готова». *«До Пречиста — девка чиста»*, *«Богослаў хлопцаў по дэвчатём разослав»*, *«На Покрову девка готова»* (Збірагі Брэсцкага р-на; Калчук Р.В., 1938 г.н., беларуска). Апошнім днём сватання лічылася 8 лістапада — дзень святога Дзмітрыя Салунскага.

Пакровы па праваслаўным календары адзначаюцца 14 кастрычніка. У народных уяўленнях гэтае свята лічылася жаночым і звязвалася з тым, што Божая Маці «пакрывае зямлю і людзей ад усялякага гора».

«Покровы — бо покровітельница того дня — Божа Маты — роскынула над зэмлёю свуй покрыв (покрывало з головы). Той дэнь шчытаецця жэнцкім днём, бо Божа Маты — то ж жэншчына. Ну от і шчытаецця, шо вона як маты покрывае нас от всёго кепского» (Альха Брэсцкага р-на, Шмыдкая Кацярына Міхайлаўна, 1924 г.н., бел., прав., мясцовая). Да Пакроваў павінны былі быць завершаны ўсе палявыя работы, ураджай складзены на захоўванне, а свойская жывёла — пераведзена на стойлавае ўтрыманне. *«Хто сее на Покрове — нэ будэ чого даты корове», «Прыйшла Покрова — нэ дала молока корова»* (Кустын Брэсцкага р-на; Янчук Ганна Фёдараўна, 1931 г.н., беларуска, правасл., мясцовая).

З народнай этымалогіяй слова «Пакровы» звязаны ўяўленні і адпаведныя парэміі пра тое, што многія аб'екты свету, у тым ліку людзі, жывёлы, расліны і сама зямля, павінны быць пакрыты адпаведнымі ім рэаліямі: *«На Покровы козалы, шчо: «Покровы покрываюць пчалу мёдам, воду лёдом, траву лісцем, дрэво корою»* (Кустын Брэсцкага р-на; Янчук Ганна Фёдараўна). На Пакровы, як і іншыя святы, намагаліся зрабіць метэаралагічныя прагнозы, вызначыць надвор'е, а дзяўчаты варажылі, імкнуліся забяспечыць сабе шлюбы (Кустын Брэсцкага р-на; Янчук Ганна Фёдараўна). У многіх вёсках на Пакровы наладжваліся кірмашы, гулянні, куды з'язджаліся з усяго наваколля, у наш час — канцэрты: *«У вёску прыяжджалы кірмашы, продовалы много цікавого, шчо зробылы своімы рукамы»* (Кустын Брэсцкага р-на; Янчук Ганна Фёдараўна); *«Покров — дзень дзеревні: касцёры, торговля, прізы, конкурс лучшіх подворій, выступае народны хор Дома культуры»* (Орхава Брэсцкага р-на; Недашкоўская Надзея Іванаўна, 1957 г.н., пісьм., праваслаўная, мясцовая). Пасля Пакроваў жанчыны апрацоўвалі лён, займаліся шыццём. Дарэчы, сярод нешматлікіх восеньскіх песень вызначаюцца спецыяльныя ільняныя, прыкладам:

Посіялы дівкі лён, — 2 р.
Посіявшы пололы, — 2 р.
Білы рукі кололы, — 2 р.
Уладыўся сывы конь, — 2 р.
Помяв, стоптав дівкам лён. — 2 р.

(Вялюнь Брэсцкага р-на; Мазалюк Галіна Міхайлаўна, 1924 г.н., беларуска).

Апякункай жанчын, дзяўчат, шлюбу лічылі Параскеву Пятніцу (яе свята — 10 лістапада). Калі дзяўчаты клаліся спаць, загадвалі: «Пятница, пятница, милая сестрица, кто меня любит, пусть мне приснится». Матрыманіяльная тэматыка актуалізуецца і падчас свята ў памяць з'яўлення іконы Святой Божай Маці ў Казані (4 лістапада), у прыватнасці парэміях: *«Хто на Казанску жаніхаецца, той нэ покаіцца»*. На гэты дзень выпадалі і метэаралагічныя назіранні: *«Як Казанска скажа, то й зыма пакажа»* (Кустын Брэсцкага р-на; Драб Зінаіда Станіславаўна, 1927 г.н., беларуска, правасл., мясцовая).

Перад Раждаством Хрыстовым выконваўся шасцітыднёвы Піліпаўскі пост (у праваслаўных — з 28 лістапада па 6 студзеня). На яго прыпадалі такія святы першазім'я, як Увядзенне (4 снежня), Варвара (17 снежня, калі нібыта прыбывае дзень) і Міколы цудатворцы (зімовага — 19 снежня ў праваслаўных). У вольны ад астатняй працы час жанчыны апрацоўвалі сабраны лён, пралі, шылі адзенне, вышывалі, а дзяўчаты збіраліся з работай на вячоркі. *«Дывчата ходылы на вэчорынкы, якія булы у одной з дівчат у хаті. Там воны шутылы, робылы кружэва самодельными кручкамы, або ходылы з прянкамы і спывалы пісьні»* (Астрамечава Брэсцкага р-на; ад Нігачой Вольгі Паўлаўны, 1943 г.н., пісьм., праваслаўнай, мясцовай). Атмасфера вячорак настройвала і на мі-

норны лад, успаміны, якія не заўсёды былі вясёлымі: *«Была специально такая хата, туда люди любили ходить. Там самокрутки эти курят, про житейские истории рассказывают и про войну, там про всё говорят. Но война ж пошла, тут стало затишье, тут стала тишина и все. И люди сеяли, пахали и все делали»* (Падлужжа Брэсцкага р-на; Несцярук Надзея Іванаўна, 1945 г.н., бел., пісьм., праваслаўная, мясцовая). Дзяўчаты, пачынаючы з 12–13-гадовага ўзросту, збіраліся на вячоркі пасля заходу сонца, пасля да іх прыходзілі хлопцы. Дзяўчаты пасля працы, размаўлялі, частаваліся, спявалі, танцавалі з хлопцамі. Позна, каля поўначы, хлопцы праводзілі дахаты дзяўчат, что адлюстравалася ў аўтарскай творчасці носьбітаў традыцыі: *«— Мыкола, помытаеш, тоды, як од Осыпа з вычорок ишлы? Помытаеш, як тэбэ татко отхворостыв?*

— Хиба ж вин мэнэ хворостыв? Вин мухы гоныв.

— А якыи то мухы? То ж була зыма!

— Мыкола, ты мовчи, а я роскажу всё сама: до синэй прышла, ногы з снигу обмыла. Прышла дохаты и думаю, як мни зайты на пич спаты? Як мни на запичь ступыты, що б холоднымы ногамы татку нызачипыты? Як на за-пич ступыла, татку холоднымы ногамы зачипыла. Як подымэ татка тарарам! Кажэ: «Ныповызу по дохторям. За шо буду тэбэ личиты? Мни трэба сымью кормыты». А мы булы бидны. У нас була дысятына зымли, а 12 душ сымьи. Пэрэстав крычаты, а взявся мою шпулю мотаты. Кажэ: «За такую работу рукы поодбываты». Тое було, як и стала ткаты. Али сорочка выйшла ныкепська зусим щоб такая всим. И от, жоночкы, пошов пядисяты рочок, а ны забуду тых вэчорок, як мэне татко отхворостыв и бульш на вычоркы ны пустыв» (Чэрні Брэсцкага р-на; Паляшчук Аляксандра Васільеўна, 1931 г.н.).

«Печ нам маці родная»,

або Сімволіка печы ў традыцыйнай культуры ўсходніх славян

Па дыяганалі ад покуці ў сялянскай хаце заўсёды размяшчалася печ, якую абавязкова бялілі. Яна абагравала хату ў халодны перыяд года і шмат у чым прадвызначала асаблівасці традыцыйнай беларускай ежы: асноўныя стравы павінны былі «ўварыцца» на працягу працоўнага дня. З цягам часу яна стала галоўным месцам у хаце, знакам жыцця, жыватворным ачагом, які надзяляў сілай сонца ўсіх дамачадцаў. Агонь у печы ўспрымаўся як зямны эквівалент нябеснага свяціла, назва якога ў беларускай народнай лексіцы нярэдка гучала як «слонца», таму і прыстасаванне для таго, каб зачыніць печ на ноч ці днём, называлі «заслонка» (або «засланка»).

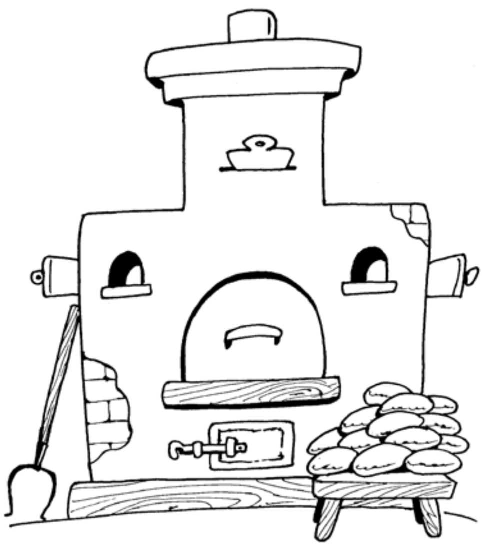
Печ была адным з асноўных рытуальных цэнтраў сялянскага жытла. У паўсядзённым жыцці агонь у печы неабходна было падтрымліваць увесь час на працягу сутак. Для гэтага ўвечары вугельчыкі засыпалі ў спецыяльнае паглыбленне ў печы, а раніцай, прачытаўшы малітву, распальвалі новы агонь.

Тушылі агонь толькі ў выключных выпадках: калі ў хаце знаходзіўся памерлы; падчас эпідэміі або мору хатняй жывёлы; у вялікія святы (такія, як Ка-

ляды, Вялікдзень, Купалле, Багач, гэта значыць тыя, якія адпавядалі фазам гадавога руху Зямлі вакол Сонца) і інш.

Каб захаваць дабрабыт сям'і, гаспадыні не пазычалі «агню» (палаючыя вугельчыкі) з печкі пасля заходу сонца. Ажыўленне новай хаты суправаджалася перанясеннем агню з печкі старога жытла.

Да печы заўсёды ставіліся з вялікай увагай і павагай: на ёй адпачывалі, яна саграевала і лячыла, на ёй зараджалася новае жыццё, там жа часам старыя людзі чакалі сваіх апошніх дзён. Падтрыманне агню і гатаванне ежы былі падобныя на падтрыманне жыцця на зямлі. Печ стараліся трымаць зачыненай. Калі хтосьці з дамачадцаў збіраўся ў дарогу, то яе зачынялі, нават калі ў ёй гарэў агонь. Зачыненай печ трымалі і тады, калі жанчыны пачыналі закладваць аснову, прасці, ткаць. Уважліва сачылі за тым, каб ніхто не садзіўся на печ, пакуль у ёй выпякаўся хлеб, а таксама забаранялі «выліваць памыі і іншую вадкасць у падпечча, бо пасаджаныя хлябы не будуць падыходзіць, румяніцца і запякацца». Як толькі хлеб вымалі з печы, тут жа на яго месца абавязкова клалі адно-два палены, каб «дабрабыт у хаце не пераводзіўся».



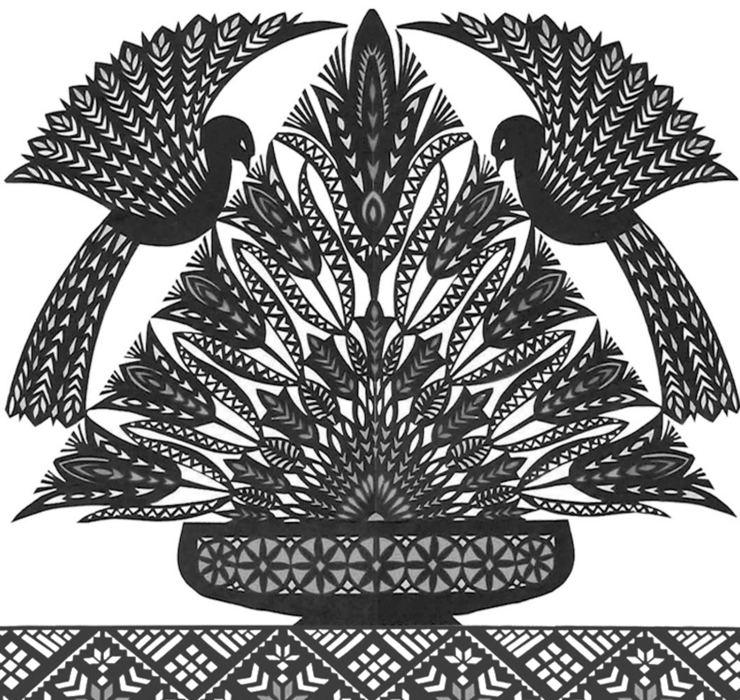
Асаблівая ўвага надавалася пячной трубе — коміну. Вячэра восеньскіх Дзядоў пачыналася з таго, што гаспадар падыходзіў да печкі, глядзеў у комін і называў імёны памерлых родных. Комін усю ноч трымалі адкрытым, каб душы памерлых маглі прыляцець у хату і «пачаставацца» тымі памінальнымі стравамі, якія гаспадары абавязкова пакідалі на стале на ноч. Калі гублялася жывёла, гаспадыня клікала яе праз комін: лічылася, што невядомая сіла, якая аберагае хату і двор, верне дадому хатніх жывёл, якія заблукалі.

Прыкметнае месца займала печ у вясельнай абраднасці. Так, перад тым як сваты выходзілі з хаты жаніха, яго маці зачыняла печ засланкай, звязвала поясам вілкі, чапялу, качаргу і іншыя прадметы, якія стаялі каля печы, і кідала на печ, сват «грэў» аб печ рукі і г. д. Калі сваты прыходзілі ў хату да нявесты, нярэдка звярталіся са словамі прывітання да печкі як захавальніцы цяпла, а значыць, і сямейнага шчасця. А засватаная дзяўчына, пакуль госці вялі перамовы з бацькамі, залазіла на печ, нібы шукала там правільнае рашэнне. Саскочыўшы на падлогу, будучая нявеста тым самым падавала знак, што яна згодна пайсці замуж.

Не кожны пячнік, дарэчы, мог скласці добрую печ. Неабходна было валодаць прафесійнымі навыкамі і ведамі, якія перадаваліся з пакалення ў пакаленне і захоўваліся ў сакрэце. Адно з такіх правілаў: печ трэба класці пад поўню, тады яна «будзе доўга служыць і добра грэць».

Аксана Катовіч,
Янка Крук

СКАРБНІЦА НАРОДНЫХ ТАЛЕНТАЎ



НАТАЛЬЯ ЗЕЛЕНКО:

«Нашим детям не нужны супер-герои...»



Немного напишу, почему именно куклы. Дело в том, что мне всегда нравились такие материалы как ткань, нитки, ленты, кружева, бисер и все в этом роде. Мне нравится работать в батике, гобелене, вышивке, но вот как-то куклами никогда я и не думала заниматься, пока мне не предложили посмотреть сайты с куклами-тильдами и куклами-тыквоголовками. Вот тут-то меня и зацепило. Это и кукла-игрушка, а с другой стороны, — характерный персонаж, дизайнерская разработка не только самой куклы, выражения лица, характера, настроения, но и дизайн одежды. А еще возможность делать не только для детей, а как сувениры для взрослых.

Стоило только начать, и я поняла, что это мое. Никогда в этой работе невозможно повториться, две одинаковые куклы сделать просто невозможно. А еще я увидела, как искренне радуются им люди. Мой любимый племянник получил на Новый год долгожданного робота, а еще от меня зайку-тильду. Первое, что он взял, был робот, и я, было, уже расстроилась, что заяц не будет в почете, но примерно через час все изменилось, заяц занял свое почетное место среди игрушек. Но главное — он стал любимой игрушкой моего племянника, с которой он ходил везде, спал ночью, и сейчас, пойдя в школу, не остался к зайцу равнодушным.

Я поняла, что не нужно нашим детям супер-героев, да и взрослым, нам нужно что-то доброе, мягкое и с душой. Вот почему занятие куклами так притягательно.



Куклы Натальи Зеленко в Новогоднем коллаже



КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР, в семье Натальи Зеленко произошло радостное событие: на свет появилась еще одна «кукла» — весом 3700 и ростом аж 55 см! У старшей восемнадцатилетней дочери Дашеньки появился чудесный братец. Редколлегия и читатели «Астрамечаўскага рукапіса» от души поздравляют счастливую маму с пополнением семейства. Ведь занятие «куклами» так притягательно!!!

Живи, «Чижевчанка»!



«Чижевчанка» сегодня. Июль 2014 г.



Одно из первых выступлений. 2006 г.

Фольклорное трио, получившее в округе имя «Чижевчанка», формально существует года с 2004, однако эта дата настолько относительна и неточна, что на ней не стоит заморачиваться. Были и жили замечательные певуньи в вельямовичских краях с незапамятных времен, и любая из них, наверное, с молоком матери впитала в себя песенные традиции родного края, полученные в свою очередь от предков. С самых давних-предавних времен народные песни в крестьянском быту звучали над детскими колысками, за зимней пряжей либо шитьем, на гуляньях, свадьбах, на жатве, в дни календарных праздников. И исполняли их, не слишком задумываясь, нужно ли, правильно ли, а по зову души. Примерно так поют птицы: не для красоты, а для дыхания... От внутренней, Богом данной, потребности и способности...

А если отбросить философскую лирику, то следует отметить, что объединила наших женщин в самодеятельный фольклорный коллектив, привлекла к публичным выступлениям заведующая Сычевским сельским клубом Валентина Михайловна Горник.

— Участников «Чижевчанки» можно назвать людьми настоящими, натуральными, от земли и сохи, — говорит она. — То, что они помнят и исполняют — это голос прибужских нив, голос нашей забытой старины...

Самая главная в трио, запевала — Мария Варфоломеевна Андреюк. Ей 81 год, бывшая доярка. Даже младшим по годам землячкам из д. Чижеево и окрестных деревень не удается ее ни перепеть, ни переплясать. Голосистая на удивление. И множество станинных песен знает.

Старшинство — по возрасту — принадлежит Пелагее Филаретовне كородимук. Ей 85. В сельском обиходе ее кличут Полиной, считается, от польского происхождения. И она своими корнями, безусловно, гордится. Бойкая в разговоре, старательная в песне. Когда-то трудилась телятницей.

Ну, а самая младшая в коллективе Галина Никоновна Левчук, которой исполнилось 76 лет. Бывшая доярочка.

У каждой из женщин, как говорится, своя судьба, своя жизненная история и проблемы. Все они воспитывают внуков, живут заботами своих семей, детей и близких. Однако всех их объединяет любовь к народной песне, приверженность своему фольклорному трио, всему коллективу художественной самодеятельности Сычевского сельского клуба. Хотя собираются для совместных выступлений не так-то и часто. Оно и понятно: годы... Зато уж, если позовут, пригласят, если возникнет необходимость!!! Тут уж равным им в песне и веселье не найти. На любых мероприятиях — будь то концерт для ветеранов либо очередной День Победы или праздник села — фольклорное трио «Чижевчанка» служит украшением любого концерта.

Живи же впредь и здравствуй, «Чижевчанка» — пожелаем им всем!

Александр ВОЛКОВИЧ

Мчится поезд с граммофоном

Вот мчится поезд с граммофоном
По той дорожке столбовой,
В вагоне, песни распевая,
Едут военные домой.

Один боец был невеселый,
Поник кудрявой головой,
И он запел про кари очи,
Про очи девушки одной.

— Когда я в армию отходил,
Она слезами залилась,
Теперь я письма получаю —
Она за брата собралась.

Иду домой я на побывку,
А сердце колет, как пилой.
Зайду домой, а брат мне скажет:
Ты опоздал, соперник мой.

Пройдут года и станут дети,
И станут дядей называть.
Они не знают, что их дядя
Любил когда-то ихню мать.

Вот мчится поезд с граммофоном
По той дорожке столбовой,
В вагоне, песни распевая,
Едут военные домой.

Там за Доном...

Там на Дону, на Дону, пид зэлэным дубом,
Расставалася казачка с хлопцем чорночубым.
Ой-да, ой-да-да, ой-да,
Ой-да, ой-да-да, ой-да,
Расставалася казачка с хлопцем чорночубым.

Расставалася казачка, на коня сядала,
Ты не плачь, не плачь по мне, моя дорогая.
Ой-да, ой-да-да, ой-да,
Ой-да, ой-да-да, ой-да,
Ты не плачь, не плачь по мне, моя дорогая.

Ты не плачь, не плачь по мне, не разливай слёзы,
Еду в армию служить, защищать колхозы.
Ой-да, ой-да-да, ой-да,
Ой-да, ой-да-да, ой-да,
Еду в армию служить, защищать колхозы.

Ты не плачь, не плачь по мне, моя дорогая,
Як убьют, то позабудь — знать судьба такая.
Ой-да, ой-да-да, ой-да,
Ой-да, ой-да-да, ой-да,
Як убьют, то позабудь — знать судьба такая.

Цыганка чижевская

Ой, ты серая лошадка,
Что ты быстро не бежишь.
Раскрасавица, моя цыганочка,
Все засмучоная сидишь.

Я гуляла, я гуляла
Во зеленому саду.
Потеряла я свое колеченько,
Теперь я больше не найду.

Золото мое колечко
По полу вертелося.
Заслезилися мои глазёначки,
Когда в траву вкатилося.

Ветры дуют, ветры дуют
На цыганское кольцо.
Я цыганочка така красивая
И танцую хорошо.

Хоть цыганочка я некрасивая,
Зато целую горячо.

(Записано со слов Андреюк Марии Варфоломеевны, д. Чижевичи Брестского р-на)

Снимок на память с участниками фольклорно-исторической экспедиции по Прибужскому региону.
Июль 2014 г., д. Чижевичи



Дом, где обитают жаворонки

В гостях у Галины Антоновны ФИЛИНЮК, народной певицы и вышивальщицы из д. Остромечево

Аккуратный «финский» домик, выкрашенный в зеленое, в шеренге нарядных коттеджей агрогородка Остромечево выглядит, будто скромная маргаритка среди пышных георгин. Сваренная из арматуры калитка с простейшей защелкой, устроенной разве только для порядка, несколько трехцветных кур в маленьком дворе и белый котенок на порожке вызвали ощущение некой домашности и... незащищенности.

Внутри после уличной осенней прохлады уютно, хозяйка протопила грубку в спальне специально к приходу гостей, а мы задержались, пришли на час позже — и сразу же попали в тепло, в доброжелательность, в атмосферу цветущей оранжереи. Цветы буквально заполняли пространство двух маленьких комнат, но это были не стандартные домашние вазоны с гераньками и китайскими розами, а вышитые крестиком и гладью на подушках, рушниках и салфетках, вытканные на половичках-ходниках. И даже строго-темнолицый Николай Чудотворец в красном «куту» созерцал все это великолепие и взирал на вошедших в обрамлении красочной ширмы, расцвеченной алыми рукотворными цветами.

Тут же, рядом с Чудотворцем, внизу на столике — «Благодарственное письмо» в рамке, а сбоку на стене — цветные фотографии с изображением хозяйки дома, облаченной в белорусские национальные наряды, среди колосьев на хлебном поле с серпом и «дожиночным снопом» в руках — это очередные остромечевские «Дожинки». Галина Антоновна с подругами — непременный участник всех хлеборобских праздников, ставших в СПК «Остромечево» давней

Семья Антона Дмитриевича и Нины Петровны Шиш (посередине). Вверху: дочери Валентина и Галина, внизу: внучки Наташа и Ира.



Галина Филинюк (Шиш). 18 лет





Семейный снимок 50-х гг. Крайняя справа Галина Филинюк (Шиш)

и доброй традицией. Текст «Благодарственного письма» можно расценивать также как и подпись к праздничным фотографиям: «Мастеру по вышивке, изготовлению «ходников» за активное участие в районных, областных и республиканских мероприятиях с выставками работ народного творчества, сохранение и популяризацию традиций культуры Брестского района». (Как выяснилось позже, аналогичных дипломов и грамот у хозяйки накопилась целая пачка, и все они бережно хранятся, что называется, «в шкапчике»).

Венчает «галерею-оранжерею» горка пуховых подушек на кровати, где на каждой старательно вышит неповторимый рисунок. Даже боязно примять всю эту красоту...

Первым долгом Галина Антоновна по нашей просьбе показывает свои работы, рушники. Вот пасхальный, им накрывают кошелку с праздничными продуктами, которые приносят в церковь для освящения. На белой канве изображены ангелочки, крашеные яйца и цветы — вроде незабудок. Все это вышито цветными нитками-мулине, тщательно подобрано и выверено. На другом рушнике — лилии и ласточки, предназначен на икону.

Далее — рушник «ваза с розами» — знаки семейного благополучия и счастья. Еще один с надписью «На счастье, на долю».

Есть еще полотна, используемые для свадебных обрядов, для церковных молебнов, просто для красоты в доме. Большинство работ раздарено знакомым и близким, некоторые демонстрируются в выставочном зале районного Дома ремесел в Остромечево и, конечно же, присутствуют на каждом празднике «Дожинок», на других районных мероприятиях.

Галина Антоновна вспоминает: *«Колысь моя мама ганылась, казала, тшы, дытына, тшы. Вона і строга була, і справедліва, і добра. На кроснах вміла хорошо ткаты. А я всэ прошу: прывізі з Брэста мулінэ, хочу вышываты. Пуідэ, кажэ: нэ купіла, нэ було такіх красівых... Але потым выймае цэлу жухму, на, дытына! Я дужэ рада, цылую ее, обдымаю...».*

В воспоминаниях хозяйки присутствует родительская хата в Остромечево, где она, как считает, провела счастливое детство, есть фрагменты о деде с его шутливой прибауткой: «За мір і покій подымаю стаканы, за мір і покій, шоб





шэ по такій», о батьке, который «любів перлову кашу з бобом», о неудачном замужестве в деревню Рудавец, когда от этого замужества «трэба було браты за спіну подушкі і до дому, до матэры бігчы»... Рассказывает Галина Антоновна о работе дояркой на молочной ферме в Остромечево, где она годами вручную раздаивала первотелок и где «тут доишь, тут в клетках телятки стоят, рядом — с коровами мать, тоже доярка». Работали женщины тяжело, вставали на дойку к 4 утра и, по их словам, облегчение наступило лишь тогда, когда колхоз набрал силу, а на фермы пришли доильные ведра и молокопроводы.

После смерти мужа Галина Антоновна, считай, в одиночку подняла двух дочек, Наташу и Ирину, жизнь каждой из них сложилась по-своему. Наташа почти повторила мамино неудачное замужество, обе теперь вдовы, живут сообща в одном доме. Наташа работает оператором по уходу за свиньями в СГЦ «Западный», имеет взрослого сына. Дочь Ирина со своей семьей, а также брат и сестра Галины Антоновны проживают неподалеку в Остромечево.

Разговор незаметно переходит к дню насущному, и так или иначе, за исключением бытовых нужд и проблем, волнующих дочь и мать, касается он замечательных вышивок, страсть к которым Галина Антоновна с годами совсем не утратила. Вот и нынче на столике в комнате мы видим круглые пяльцы с плотно натянутой тканью - канвой. На ней — начатая вышивка, красивый цветок. *«Цветок хорошій, але надо добры очы маты, бо не одолею»,* — сетует мастерица. На что дочь Наталья, явно для моральной поддержки, начинает вспоминать, как отдыхали вдвоем с матерью

Галина Антоновна Филинюк демострирует свои вышивки. Осень 2014 г.





в санатории «Берестье», как за мамой ухаживал «культурный и видный ветеран», как приглашал ее танцевать, и как открыленная вниманием мать — это в свои-то 70 с лишним годов! — летала в танце, «як мотылек, даже туфли паркета не касались, а если нынче порою выглядит засумно, то врач на Речице сказал, что хорошо, если еще где-то болит, значит, живая и чувствует, и должна жить и радоваться жизни...».



Потом, по нашей просьбе, Галина Антоновна и Наташа спели одну из своих любимых песен, а я успел записать слова.

Это была задушевная лирическая песня про «туманы-туманы», про «девчонку лет восьми», про умершую маму, на могилу которой «дочь приносит цветы...».

Пели женщины глубокими грудными голосами, в унисон, искренне, как будто каждая рассказывала о чем-то сокровенно своем... Обычные житейские слова, простенький, незатейливый мотив — а тронуло до слез.

И тогда я подумал: им бы, этим вечным труженицам, вдовушкам, этим умелицам, умницам, сизокрылым голубушкам чуточку больше внимания, чуточку больше ласки, чуточку больше надежного мужского плеча — и расцвели бы их сердца и души новыми, красивыми и необычными цветами...

...А когда мы, распрощавшись с хозяйками, покидали гостеприимный зеленый домик № 27 на тихой улице в Остромечево, случилось что-то вообще непредсказуемое — я услышал пение жаворонков. Да, да, пели именно они — весенние птахи. Вопреки всем законам природы, наперекор хмурому осеннему дню, наперекор всему и всем.

Мне показалось, что это ожили, встрепенулись и воспарили в небо «воробейчики», вышитые на салфетках-треугольниках, заправленных на полки домашнего шифоньера.

Но это были, уверен, не «воробейчики», а прекрасные птички-жаворонки. Ведь они, по сути, всегда обитали в этом доме, жили и живут в женских сердцах и покидают ненадолго свои гнезда только для того, чтобы чарующими трелями возвестить о наступившей весне.

Александр ВОЛКОВИЧ
Фото Михаила ГУБАРЕВА

МАЛАДОЕ ДРЭВА



Душевность и мудрость рушников белорусских

Традициям национальной вышивки и ткачества обучает своих подопечных из творческого объединения «Родныя ўзоры» педагог дополнительного образования Чернавчицкой СШ Зинаида Леонидовна Койко



Аксиома: для того, чтобы детишек чему-то научить, учитель сам должен любить и досконально знать свой предмет. Как раз-то этого Зинаиде Леонидовне Койко не занимать. Дело свое она знает и любит, а приобретенными за годы жизни и преподавательской работы знаниями и навыками щедро делится со своими учениками. Откуда же эти сокровенные знания?

...Родилась и выросла Зинаида Койко — ее девичья фамилия Корнелюк — в местах красивых, удивительных. Представьте себе скромный домик среди лугов на дальней окраине поселка Домачево, в пойме Западного Буга. Считались здешние строения (донельзя прореженные минувшей войной) урочищем Лешнево — все, что осталось на месте бывших голландских поселений, основанных еще при Великом княжестве Литовском. А в местном обиходе эта территория называлась «колонией». Каждую раннюю весну здесь наступало чарующее половодье: Буг разливался во всю пойменную ширь, затопляя окрест шалой водой, после ухода которой пышно зеленели луга с невообразимым разнотравьем и разноцветьем, тучно колосилась рожь и буяла огородная зелень, вовсю разрастались кусты и деревья. И все это цвело, пахло, звенело птичьими трелями, манило и зачаровывало, оживляясь весной и наполняясь иными цветами, полутонами, оттенками и красками летом, осенью и зимой. Удивительная страна детских путешествий, познаний и открытий. Именно такой мир — цветущий и благоухающий, в звуках и красках — сопровождал детство девочки Зины Корнелюк, а также ее старшей сестры Нины и брата Семена. Отсюда по узкой тропке вдоль вековых дубов по краю старого тракта она бегала на уроки и — уверен — не единожды повторяла мысленно этот путь в своей будущей взрослой жизни: мимо заброшенного лютеранского кладбища, через деревянный мост, установленный на озере, к Бугской старице, между загадоч-



ных старых сосен с белками, дятлами и совами в дуплах и ветвях, теснившихся вокруг вечно голубой церкви Святого Луки, стоявшей на взгорке, а дальше — по булыжной площади местечка Домачево и пыльной гравийке, ведущей в школу среди соснового леса, построенную еще в «запольские» времена...

Это время и место, эта «дорожка» и сформировали ее нравственно-эстетические вкусы и наклонности, когда, скажем, живые маки, васильки и ромашки во ржи находили отражение-повторение в многочисленных рушниках и салфетках, которые прекрасно умела шить и вязать мать Любовь Николаевна, в мягких полосатых половичках, тканых на «кроснах» бабулей, в ласковых цветастых узорах и ажурном плетении кроватных покрывал-кап, «подзорников», подушек, полотенец, рушников на иконе, на отцовской рубахе-вышиванке, на летнем платьице сестры, на собственной, самостоятельно расшитой, кофточке...

«Я нигде больше не встречала такого обилия колокольчиков и незабудок, как в милых сердцу прибужских поймах, — признается много позже Зинаида. — Обидно осознавать, что, к примеру, современная молодежь не знает, что это за цветок такой — куколь... А я их, помнится, нежные розово-фиолетовые соцветия охапками собирала...».

После Домачевской одиннадцатилетки Зинаида поступила на филологический факультет Брестского пединститута, который закончила в 1968 году. Затем по распределению попала в Лунинецкий район, в среднюю школу д. Гаврильчицы.

Полесье. Благодатный край для чувствительной, восприимчивой души, чутко реагирующей на все проявления белорусского народного быта, этнографии, традиций, творчества. Здесь еще помнили и справляли исконно народные праздники и обычаи, пели на свадьбах старинные песни, ходили в национальных одеждах — женщины в цветастых платках, в «шляхетских» кофточках, жакетах, юбках-андараках, в ожерелье бус, в «лакерках», в церковь отправлялись в платьях с вышивными передниками, в туфлях-«румынках»; мужчины — в блестящих «хромачах» и в «местячковых» картузах. А какими замечательными рушниками, дорожками, покрывалами и вышивными подушками отличаются местные хаты! Как любовно украшают жители «красные углы» в домах и придорожные кресты! И «мова», «мова» —



сочный, образный, ни с чем не сравнимый, уникальный полесский говор... Все это молодая учительница белорусского и русского языка и литературы старалась впитать, запомнить, донести до своих учеников, а в конечном итоге — воспроизвести. Чтобы не пропало, чтобы передать эстафету традиций подрастающему поколению.

Чернавчицкая средняя школа. Здесь Зинаида Леонидовна Койко проработала более тридцати лет и продолжает трудиться по сей день. Пожалуй, не перечислить все достижения и успехи, утраты и огорчения, выпавшие на ее долю, как, впрочем, и всех тех, кто занимается воспитанием и обучением детей. Тяжела ты, шапка Мономаха! Непроста судьба современного учителя, но не об этом речь. «Лучшие годы — отданные детям» — считает Зинаида Леонидовна, и лукавства в ее словах нет ни на йоту. Нынче, фактически выйдя на пенсию, она занимается именно тем, что привлекало с ранних лет, к чему стремилась и стремится душа — народной вышивкой и ткачеством. Творческое объединение «Родныя ўзоры» действует при Чернавчицкой СШ более десяти лет. Обучаются дети с третьего по девятый классы. Занятия проходят два раза в неделю. Детишки — а это главным образом девочки — осваивают основы шитья и ткачества, выполняют самостоятельные работы, участвуют с ними во всевозможных вернисажах и выставках. Особый упор преподаватель делает на изучение символики белорусского шитья и ткачества. Примеры берут не только из журналов и выкроек, а стараются почерпнуть из жизни, из повседневного быта односельчан. Так, одна из последних работ девчонок — праздничный рушник с ромбовидными орнаментами. Зинаида Леонидовна «подсмотрела» их на старинной рубахе, показала ее ученикам, объяснила значение вышитых символов.

Работа состоялась, а недостающие элементы сообща изобретали и экспериментировали.

И так от занятия к занятию. «Вот этот знак, — объясняет преподаватель, — символизирует дерево жизни, эти — солнце, любовь, купальскую траву, человека, воду, семью, следующие — Берегиню, Параскеву Пятницу, Житнюю Бабу, знак оберега...

Причем, черный и красный цвет узоров, — подчеркивает Зинаида Леонидова, — это характерный колер наших местных, прибужских орнаментов. А на Припятском Полесье, к примеру, охотнее используют голубые и зеленые цвета».

Обучение ведется от простого к сложному. Например, третьеклашки осваивают простейшие швы: стебельча-



тый, тамбурный, «барашек», «козлик»... Более старшие девочки начинают вышивать гладью, затем переходят к вышивке крестиком — одинарным и двойным, так называемым «болгарским» (термин «крест» Зинаида Леонидовна старается не употреблять, предпочитая уменьшительно-ласкательную форму). И все обучаемые через какой-то год занятий начинают прекрасно разбираться в нитках-мулине, иголках, пяльцах, канве, назубок знают значение основных символов белорусского орнамента, могут самостоятельно украсить приглянувшимся узором и льняное полотно, и готовое платье...

Гордость учительницы — выпускницы школы сестры Люба и Лида Ланшаковы, девятиклассница Яна Василевская, восьмиклассница Катя Мацвей, шестиклассницы Таня Мемей и Александра Линник. Девочки старательные, все у них получается. Их вышивки занимали призовые места на различных выставках, проводимых в нашем районе.

Ученицы Зинаиды Леонидовны участвуют со своими работами во всех общешкольных и районных мероприятиях, в оформлении школы, кабинетов белорусской и русской литературы, изготовили красивые веночки для танцевального ансамбля Чернавчицкого сельского клуба. А что стоят, к примеру, куклы в белорусских национальных нарядах, сделанные руками их наставницы! Или миниатюрная полесская кроватка с настоящими покрывалами и подушечками! Все это выполнила по своим эскизам Зинаида Леонидовна — и теперь эти поделки радуют глаз и учеников, и учителей, не говоря уже о гостях школы.

Кстати, за свою неустанную, плодотворную работу по сохранению белорусских традиций Зинаида Койко награждена рядом призов и дипломов, в том числе Дипломом Министерства образования Республики Беларусь за победу в Республиканском конкурсе методических разработок «Мое лучшее». А совсем недавно эти разработки под заголовком «Выкарыстанне беларускай сімволікі і мясцовага матэрыялу пры стварэнні нацыянальных узораў беларускіх ручнікоў» поместил в виде статьи республиканский журнал «Выхаванне і дадатковая адукацыя» (№ 6, 2014 г.). Советую ознакомиться и принять на вооружение.



От автора. Честно признаться, вначале я хотел назвать данные заметки «Дорога в школу». Почему? Все очень просто. Мы с Зинаидой Леонидовной — земляки, оба выросли в поселке Домачево, а мой родительский дом находился прямо на берегу местной речушки без названия, а через речку располагалось Лешнево с домиком Корнелюков, которых мы хорошо знали и дружили семьями. То место, где речное русло особенно широко — называлось озеро, подпитываемое разливами и донными родниками. По краю этого озера и пролегал наш знаменитый домачевский мост, сперва — деревянный, затем — бетонный, а в нашу совместную молодость в годы первых транзисторных приемников — на мосту молодежь устраивала танцы. Зиночка со старшей сестрой Ниной и братом Семеном через мост бегала в школу, и наш путь местами совпадал, да иначе и быть не могло, ведь школьная тропинка была для всех нас общая.

Однажды, идя утречком через сосняк, окружавший школу, я сочинил следующие, как мне казалось, поэтические строки:

Сосны до самых небес.
Сосны стоят задумчиво.
А я иду через лес
Со школьною сумкою.
Пахнет хвоей, смолой,
Сырость окутала землю.
Чаща синею мглой
Састорожилась и внемлет
Сопорному стуку дятла,
Сенью птиц-повес.
Как хорошо и приятно
Утром идти через лес!

Как знать, возможно Зинаида Леонидовна видит в своих девчонках-ученицах себя в детстве, а в культивируемых ею белорусских орнаментах — нашу речку-озеро, весенние разливы, прибужские поймы, родительский очаг, звоны домачевской церкви, старый деревянный мост, утреннюю дорожку в школу...

Надеюсь, что я не ошибаюсь.

Александр ВОЛКОВИЧ
Фото Игоря КУШНИРА



ЛІТАРАТУРНАЯ СЯДЗІБА



Александр ВОЛКОВИЧ

СТАЯ НАПИЛЬНИКОВ

Рассказ

Возле подъезда панельного дома, такого же серого и невзрачного, как окружающие пятиэтажки образца 60-х годов, сидит на лавочке баба Настя. Ей перевалило за седьмой десяток. Голова белым платочком повязана, чтоб не напекло, руки покойно на коленях сложены. Отдыхает.

Как раз тот час майского полудня, когда уже не свежо, но еще не жарко: тополя в палисаднике тень дают, и прямым лучам сквозь первую сочную зелень не пробиться.

Сторона дома солнечная, восточная. Можно после зимней стылости и погреться.

Прохожих мало. Люди на работах, на службах. А в квартире у Насти все дела переделаны, все работы переработаны, не грех и подремать на воздухе, пока дочь в комнате тоже на диванчике прикорнула. Больная она у Насти — с задержкой умственного развития. Так врачи определили после того, как девочка, будучи еще школьницей, скарлатиной переболела и в школу с тех пор перестала ходить. А ведь справная была ученица, смышленая. Все, бывало, спрашивала:

— Когда, мама, ласточки прилетят?

— Не прилетят они сюда, крыша и окна не так сделаны...

— А у нас, на кирпичном, ведь жили? Там им нравилось? И гнезда из глины лепили?

— Лепили, лепили, — начинала раздражаться Настя, чувствуя себя неуютно от воспоминаний о старом доме в пригороде областного центра, о красной глине, что, казалось, насквозь пропитывала окрестности вокруг кирпичного заводика, где работал ее муж и отец Валюши, о ласточкиных гнездах, оживавших щебетаньем каждую весну под черепичной крышей ведомственного барака.

От старого завода разве что только бараки остались и заросшие пруды вдоль дороги. Где глину черпали.

Дочке сейчас годков аж пятьдесят с хвостиком. Жалеет её, убогую, мать. Любит.

В «хрущевку» ласточки не прилетали. За сорок лет, что Настя живет тут после переезда, ни разу гнезда над окнами птицы не вили. Поздно ждать их и нынче — Сорок сороков, праздник птичьего возвращенья, давно прошел.

Муж Настин тоже давненько умер. Туберкулез замучил. Помнится, врачи называли причину смерти еще каким-то мудреным словом, не то «силикозом», не то «солитером» — а это вообще какой-то глист, он лишь у свиней водится — но только Настя знала, отчего супруг скончался. От пыли кирпичной и водки. Запил под старость лет на пенсии, вот изработанное в горячих цехах сердце и не выдержало.

Поэтому на вопрос, отчего, да почему, Настя привыкла отвечать: «От сердца».



Приличная причина, важная. Не то, что от перепоя или хронического пьянства. Стыдота.

С тех пор пьяниц, гуляк праздных вдова на дух не переносит.

Легкая на помине, троица забулдыг к лавочке направилась, по-хозяйски расположилась.

Настя осуждающе губы поджала, на краешек отодвинулась. Метр, что пришлые к чему-то попросили, она с собой не носила.

Мужики между тем дело свое знали туго, по-быстрому пару винных бутылок из горлышек угомонили.

Пустые Насте передали.

«Пусть себе сидят, — подобрела в душе старушка. — Лавочек в районе — раз-два и обчелся. А ноги, чай, ни у кого не казенные...».

— Хочешь, бабуля, анекдот расскажу? — стал прикалываться к бабушке захмелевший парень, тот, что помоложе остальных.

Порожняя посуда еще намечалась, так что Настя согласно кивнула.

— Слушай. Летит стая уток, а навстречу стая напильников. — Как пролететь на юг? — спросили напильники. Им показали на север. — Почему ты так сделала? — спросил селезень у отвечавшей утки. — А они вообще никуда не долетят, потому что без ручек...

Вот и весь анекдот.

Посмеялись мужики, вино допили и ушли.

А Настя из рассказанного ничего не поняла: что к чему — напильники, утки, и разве железо летать может, ведь не самолеты же, а рашпили чугунные?!

Совсем расстроилась старая женщина. В дом вернулась. По пути захватила вместе с бутылками полбуханки надломанного хлеба и брошенные винные пробки-жестянки.

На донышко одной из них незнакомец хлебный мякиш налепил и спички вставил. Получилась птаха — не то лебедь, не то журавлик с вздернутой головкой.

— Птичка! — обрадовалась дочка. Вспомнила бедолага: пьющий отец, бывало, такие незатейливые штучки проделывал от нечем заняться на новой квартире.

— А помнишь, доча, как мы ласточек спасали? — оживилась мать. — Тужься, тужься, напрягай головку! Летели птички и падать с неба начали. А мы их – в корзинку. Возле дома нашего старого. Там еще пруд рядом был. Помнишь?

Валюша счастливо улыбается, лоб морщит, но по глазам видать — пруд забыла. Телом выросла, стареть уже начала, а сознание — серое, будто пыльная вата, и чистый клочок с трудом отщипнешь. Считай, только ласточки, с белым под черными крылышками, в нем прочнее прочного скомкались.

Настя усаживается на диване поудобней, кладет седеющую дочкину голову себе на колени и начинает повествование. Девочка-старушка, закрыв глаза, слушает.

Ранней весной возвращались ласточки из дальних заморских краев на родину. Летели большой стаей. Сообща легче от хищного коршуна, других напастей отбиваться, в пути друг дружку крыльями поддерживать. Застала стаю в вышине при подлете к дому снежная буря. Стали ласточки на лету замерзать и на землю падать. Падают бездыханными, будто ледышки, весь двор, где обычно гнездились под навесом сарая, крышами кирпичного барака, над окнами окружавших домов, своими телами засыпали. Тут бродячие собаки набежали, кошки со всех закоулков собрались — на нежданное пиршество, на манну небесную. Еле-еле мать с дочкой от зверья отбились. Собрали омертвевших ласточек в корзину, принесли в дом. Мать сразу печь растопила, птичек на газетах на полу и на столе разложила. Каких смогли, тех в руках согревали, ртом в клювики дышали, теплой слюной поили. Валюшка, так целую пазуху себе напихала, даже сама замерзла, но терпела, хоть щекотно было. Мать — то же самое.

И ожили ласточки, хоть и не все, однако вскоре тесная кухня наполнилась терпким птичьим запахом, метелицей крыльев, оглушительным щебетаньем. Мечутся ласточки в замкнутом пространстве, в стекло бьются. Не сразу хозяева сообразили, что надо окно открыть, чтобы показать птицам путь на волю. Однако не спешили ласточки удаляться от гостеприимного двора и хозяев, возвративших их к жизни, продолжали кружиться над домом, звонко щебетали, забивались под крыши, выбирая себе места для будущих гнезд. А многие из них заселились в прошлогодние глиняные корзинки, прилепленные в разных местах. Ласточкины гнезда в этом дворе никто не рушил. И птицы возвращались в родные края каждую весну. Они всегда прилетают, надо только дождаться.

Под напевный голос матери Валюша заснула. А та продолжила рассказ уже мысленно.

После того, как все утихомирилось, Валя, которой исполнилось той весной десять лет, еще долго находила в окрестностях мертвые птичьи тушки. Вместе с подружками она хоронила погибших ласточек, а на земляных холмиках дети ставили крестики, связывая деревянные прутики суровыми нитками, за пропажу которых мать дочку не ругала. Исчезновение из комода большой катушки с нитками она заметила, но ничего не стала говорить.

Об этом случае узнали знакомые, стало известно о нем в школе, куда девочка ходила.

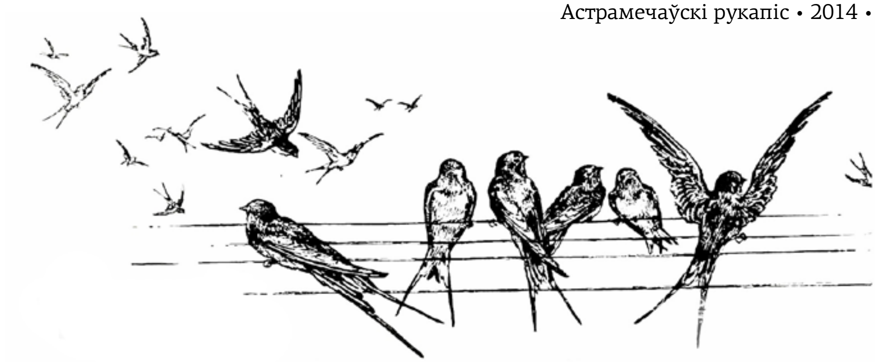
О поступке юных друзей пернатых, спасших замерзших ласточек, написала республиканская газета «Зорька».

Настя долго хранила газетную вырезку, пока она не стерлась по краям, а фотография дочки, сделанная приезжавшим из Минска важным дядькой с фотоаппаратом, совсем не поблекла.

Со временем пожелтевший газетный квадратик где-то затерялся.

Прошло еще некоторое время, и девочка Валя заболела. Возможно, она слишком уж старалась отдать тепло своего детского тела бедным обледеневшим птичкам. А вот как все вышло... Разум ребенка птицы с собою унесли... Бог дал, Бог и забрал...

Но это только Настины догадки, а, точнее сказать, предположения, которыми она ни с кем не делится. Посоветоваться ей тоже особо не с кем после смерти мужа, разве что с дочкой. Но что с нее взять? Благо, хоть под себя не ходит, а так все вроде бы разумеет, по хозяйству помогает. А еще донимает мать вопросами. Дались ей эти птички...



Однажды наступает такой незадачливый день, такой тоскливый вечер (это случается обычно слякотной осенью или суровой зимой), когда совсем не можется и одиноко, хотя вдвоем. Скукоженное настроение матери сразу же передается дочери, и она без причины роняет слезы. Тогда Настя, успокаивая себя и ее, задает спасительный в таких случаях вопрос:

— Почитаем про птиц?

Реакция однозначна: конечно же, да!

Следует многократно повторяемый ритуал: мать снимает с этажерки толстую книгу, достает из футлярчика очки с круглыми стеклами — в очках она похожа на учительницу — раскрывает томик на странице с торчащей закладкой и вполголоса начинает читать.

Листы в этой книге тонкие, почти прозрачные, шрифт мелкий. Называется она «Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового завета»:

«И поднялся ветер от Господа, и принес от моря перепелов, и набросал их около стана, на путь дня по одну сторону и на путь дня по другую сторону около стана, на два локтя от земли.

И встал народ, и весь тот день, и всю ночь, и весь следующий день собирал перепелов; и кто мало сбирал, тот собрал десять хомеров; и разложили для себя вокруг стана».

— Как наши ласточки, птички прилетели? — спрашивает в этом месте Валюша.

— Как наши! — убежденно отвечает мать.

— Они тоже замерзли?

— Наверное. Про это ничего не написано...

— А локти, это какие на руках?

— Нет, размер такой. Когда рукой меряешь.

— А что такое хомер?

На этом вопрос Настя ответа не знает. Наверное, это что-то объемное и его много. Поэтому переводит разговор на другое.

И ладно все у них с дочкой получается: и беспричинные слезы высохли, и укладываться спать обеим уже пора.

Так они и засыпают рядышком с предчувствием утреннего чуда.

А вот нынче хозяйке не спится. День румяным колобком крутнулся, а неприятный осадок все-таки остался. С чего бы?

Да! Вспомнила: это дурацкий анекдот, услышанный на лавочке от шалопутного парня, покоя не дает. Только Настя прикроет глаза — черные напильники мерещатся, летящие по небу стремительной стаей.

Куда летят? Зачем? А может быть, действительно, никуда им, неправильным и железным, не долететь?

Выдумают же такое!

Эх, жизнь...

Александр Волкович

АВГУСТОВСКИЕ РУНЫ

Эссе

• Старая женщина сидит на завалинке вдовьей хаты, прислонившись спиной к деревянному срубу, такому же невозмутимому и почерневшему, как и сама. Руки ладонями сложены одна на другой, повторяя линии кладки подогнанных бревен, утомленных лежкой впритык и удрученных собственной тяжестью.

• Бревна свыклись с вынужденной теснотой и отсутствием жизненных перемен. Пролежни из спрессованного мха давно истончились и выкрошились. Ничто не указывает на то, какими они были мягкими и пухлыми.

• Потрескавшийся лабиринт годовых колец напоминает замысловатый узор: выход из лабиринта — рождение, вход — возвращение в материнское чрево.

• Мудрость забытой руны древесного среза повествует о вечном.

• Над дверью прибита опрокинутая подкова, а под порожком зарыты истлевшие косточки.

• Фанерная красная звездочка в торце давно поблекла.

• Боты с обрезанными голенищами стоят у порожка, уставшие за день. Лето — на склоне, лета — на закате.

• Желтые помидоры на подоконнике выглядывают из-за выцветшей занавески с надеждой кому-то понравиться. Столетник в окошке нашептывает обещания прильнувшей герани. Оба цветка не слишком рассчитывают на взаимность.

• Пустое гнездо на крыше похоже на заброшенную соломенную шляпу или сломанное колесо.

• Незапертая калитка приглашает настойчиво и напрасно.

• Сочное яблоко со стуком падает на шифер веранды и скатывается под ноги, напомнив хозяйке о ветхости летней пристройки.

• Грубые пальцы гладят крутолобое яблоко и потихоньку вздрагивают.

• Черное семечко, извлеченное из сердцевины антоновки, женщина прячет в спичечный коробок. Она ни на йоту не сомневается, что из блестящего зернышка, брошенного в весеннюю почву, проклюнется зеленый росток и вырастет детородящая яблоня.

• Пряжа бабьего лета струится серебряной паутинкой, растерявшей своих легкомысленных паучат.

• Аисты, собираясь в дорогу, растерянно бродят по оголившимся нивам — поднимаются в небо и плавают парами.

• Солнце, скатившись за горку, прожгло, наконец, прореху и кануло в прорву темного леса, погасив небесное освещение и засветив экран телевизора, настроенного на любимую программу хозяйки «Жди меня».

• Женщина сумерничает в приятном и грустном общении в незнакомой компании и не замечает старости.



Татьяна ШУЛЬГА:
«Дорога домой»

«Родилась в 1954 году на Урале. С отцом и мужем — офицерами — исколесила Советский Союз от Калининграда до Камчатки. В Брест — в родные для мужа места — переехали в 2000 году, по окончании службы. Поскольку по образованию своему я — филолог, то трудилась в библиотеках, в музее. В Бресте более десяти лет была редактором университетской газеты БрГТУ и занималась со студентами, начинающими поэтами. Благодаря поддержке руководства вуза все эти годы выходили ежегодные сборники поэзии студентов, выпускников, преподавателей и сотрудников университета «И физики, и лирики». Традиция эта сохранилась и поныне.

Люблю Брест, люблю малую родину мужа — поселок Домачево. Они стали для меня родными. Именно здесь я написала самые проникновенные свои стихотворения. Люблю певучий белорусский язык, созданный для поэзии. Горжусь тем, что мой сын, приехав в Брест в 14 лет, теперь свободно говорит, пишет и читает на белорусском. Но не забываю и о своих корнях. Каждый год навещаю своих родных на Урале. Тянет на родину. В этом году сумела передать в дар библиотекам и музеям родного города альбомы «Уральский пленэр» с репродукциями картин питерского художника Сергея Любимова и моими стихотворениями, навеянными его картинами. Альбом напечатан этим летом в Брестской типографии. До этого в издательстве «Альтернатива» были изданы два моих поэтических сборника «Крылья из ситца» и «Дверь в апрель». Печаталась в газетах «Заря», «Заря над Бугом», «Брестский вестник», в журналах «Братина» и «Врата небесные», в коллективном сборнике «Сила слабости».



***

Туда, где детство мамино осталось,
Впервые вслед за нею шла и шла.
А старенькую — не брала усталость:
Хотелось этим воздухом дышать

И узнавать названья старых улиц,
И домики, что сыпались с горы...
И годы пролетали, словно пули —
Десятки лет, минувших с той поры.

И вот он дом. На три окна. С террасой.
Живехонький. И нас переживет.
И что он знает, старый мамин паспорт?!
Ведь ей сегодня пятый минул год...

Дорога домой.
Мужской короткой стрижкою —
Вихрастою, мальчишеской —
Встречают дерева.

Еще не раскудрявились,
От стужи не оправились,
Лишь кое-где трава.

Но чем южнее — радостней.
Чем ближе к дому — благостней.
Яснее неба взгляд.

Глазами-изумрудами
На облака с причудами
Озимые глядят.

И по-другому дышится,
И пишется, и пишется,
Как много лет назад...

Малая родина

Вот почему так тронуло — до слез,
До трепета душевного и боли!
Как будто надышаться дали вволю
Тем воздухом, где ты когда-то взрос.

Вот так, за век объездив целый свет,
От вод балтийских до камчатских сопок,

Вдруг понимаешь: места лучше нет,
Где материнские тебя питали соки.

Пускай наездами, как дадено судьбой, —
Осталось в сердце и в любовь сложилось.
И замерло натянутой струной,
Чтоб отозваться кровью всей по жилам.

Сложиться стихотворною строкой,
Признанием в любви, пусть запоздалым.
Несет сквозь годы нас незримою рекой
К той родине, что называют малой.

***

Еще рисунки мелом на асфальте.
Еще трава свежа и зелена,
Но где-то осень примеряет платье.
В цвет охры. Из льняного полотна.

Вы спросите: «Из полотна льняного?
Ведь ей запасов золотых не счесть!
Могла б из злата пить, на злате есть!».
Но а душе-то надобно иного...

Ей охрой золотить бы дерева
Октябрьской стынью,
Их окаймляя, словно купола,
Небесной синью...

***

Як на жытнім полі
Васількоў — уволю.
У мяне ж — сыночак
Вася-васілечак!
Гук яго гітары
Разганяе хмары.
Яго цёплы погляд
З дабрыні вытканы.
А яшчэ здаецца —
Спагадлівасць сэрца.
Абачлівай птушкай —
Словамі ці справай —
Яно адгукнецца
На бяду, як хмару.

***

Одуванчиков легкая стайка
На ершистую зелень лужайки
Приземлилась незнаемо как.
Словно охрой неведомый кто-то
В однотонную зелень заботы,
Радость вдруг обронил. Вот чудак!
Вот чудак! А в душе потеплело.
Может, самое важное дело
Людям радость дарить? Просто так...

***

Цветением резиновых сапожек
Запомнится уральская весна.
И — как в куличном тесте бродят дрожжи,
И — как свеча пасхальная красна.
Запомню трепет маминой улыбки
И синеву пронзительных небес.
И — как мирские ожиданья зыбки.
И крепость одного — «Христос воскрес!».

***

Мои любимые стихи,
Родившиеся в прошлом веке!
Вы выжили среди стихий
И не сомкнули свои веки!

Вас распинали на кресте,
Как будто вы — не на листе!
Как будто в вас — живая сила,
Что недругов в бою косила.

Смотрели вы во все глаза,
Внимая и словам, и чувствам.
И мысль вскипала, как слеза,
И пролегала, словно русло.

И может ли коснуться тлен,
Как кровь, пульсирующей строчки?
И снова вы берете в плен.
И вновь стремителен ваш почерк.

И легок строй, и речь чиста...
И чьи-то юные уста
Вновь повторяют строки ваши.
А, значит, мне за них не страшно!

Стихотворения к картинам



***

Крыши дыбились дремуче
Над — к реке ведущей — кручей.
И, подслеповато щурясь,
Окна стыли на ветру.
Видно, затемно топилось.
Стынь октябрьская и сырость
Только попусту томились
У ворот — не ко двору...



***

Снег так скрипел поутру под ногами!
Курились избы стройными дымами.
Все в розовом — клубились облака...
Дома в снегу завязли, как присели,
Кляня позавчерашние метели.
И радовались, что — ни ветерка!



***

Разве есть дремучий лес — до небес?
И седые валуны — колдуны?
И из теса над овражком — мостки?
Деревенька в три избы — у реки?
Окна светятся в избе. Топят печь.
Вот бы мне у теплой печки прилечь!
Или, сидя на крылечке вдвоем,
Пирожки студить, что пышут огнем...
Не вернуться в детство мне никогда.
Унесла года речная вода...



***

Зеркальная вода — ни ветерка!
Как будто бы не движется река.
Как — до краев — на блюдо налита,
А тронешь чуть — она за край прольется!
А с нею — дерева и облака...
Так может только мастера рука,
Когда Господь ему помочь берется!

ПИЛИПУК Михаил Михайлович



Родился 6 ноября 1983 года в г. Иваново Брестской области. С 1989 по 2000 учился в Остромечевской СШ. С 2000 по 2005 получал образование на историческом факультете БГПУ им. М. Танка. 2005–2007 — работал по распределению учителем истории в СШ д. Грицевичи Клецкого района Минской области.

На сегодняшний день является менеджером одного из игорных заведений г. Бреста.

Живет в д. Остромечево.

Терракотовый воин

Я бы, может, хотел сказать —
Слова нет, лишь шепот-отдушина.
А вокруг — большеглазое «слушаю»
И улыбчивое «плевать».

Я, наверно, хотел взлететь,
Да креплен суетными путами,
Награжден бытовыми хомутами —
Не сносить, не сорвать, не стереть.

Я давно уж хотел молить
(Заигрался с порочным временем).
Осенив себя крестным знамением,
На порог виновато ступить.

И, конечно, внезапно прозреть
Только будет ли свет приятен?
Слепота — мой старинный приятель
И вчера, и сегодня, и впредь.

Ежедневно тропой тротуарной,
Маршируя под говор и крики,
Я в рядах терракотовой армии:
Неделимый, усталый, безликий.

Вечерние мысли

Вечерами иногда приходят
Позабытых дней воспоминания,
И опять ответов не находят,
Те вопросы, что терзали ранее.

Растревожат, разбередят душу,
Да к чему теперь решения поздние?
Не переступлю и не нарушу,
А советчиком в окне лишь небо звездное.

Сотни лиц и тысячи обличий,
Много правил, горстка исключений...
Вечерами можно без приличий
Что-то навсегда предать забвению.

Позабыть и выкинуть из сердца,
Память — вот палач из палачей.
Да закроется ли эта дверца?
В жизни будет множество ночей.

Ну, а можно в редкие минуты
Слушать музыку вечерней тишины,
Созерцая тополей салюты
В честь неумирающей Луны.

Философия пути

Уставший путник, отдохни
Под сенью дуба векового.
На время краткое стряхни
Дум угнетающих оковы.

Не вспомни тех, с кем было тускло,
Кто алчен был, чванлив и глуп,
И разреши улыбке грустной
Слегка коснуться твоих губ.

Обид не трогай пелену,
Старинный спор о том, кто прав,
А нежно слушай тишину
На одре ароматных трав.

Но знай, что время-егоза
Не даст нарушить свой обет.
Ты будешь помнить те глаза,
Глядящие печально вслед.

Любовь и веру не забудь,
Они надежду принесут...
...А на рассвете снова в путь
Туда, где очень долго ждут.

Ласточка небесная

Остается развести руками
И подумать: «Эка, повезло».
К чьей-то радости, ну а кому назло —
Пусть они определятся сами.

Я своей, порой, пугаюсь спешки,
В кузов лезу, если стал груздем.
Для тебя, наверное, не пешка,
Но стремиться буду стать ферзем.

Шлю привет житейской канители,
Вырвался из пасмурного сна.
Что там за окном: дожди, метели?
Разгулялась на душе весна.

Я в рубахе, по росе готов.
Нараспев стихами, звонкой песней.
В небо — взгляд. Средь полевых цветов
Наблюдать за ласточкой небесной.

Снял замки и отворил затворы,
Я хочу — мою мечту не тронь, —
Чтобы ласточка небесные просторы
Променяла на мою ладонь.

Рассказ о чуде в деревне Рожковка

Я хочу, может, где-то неловко,
Может быть, не найду нужных слов,
Рассказать про деревню Рожковка
Из глубин беловежских лесов.

Ранним утром, в конце сентября,
Того давнего сорок второго,
Не успела заняться заря —
Тишина разорвалась от рева

Не одной, а десятков машин.
Бабий плач да немецкая брань.
За деревню погнали мужчин
В ту забытую многими рань.

Обыскав каждый дом, каждый двор,
А несчастным — в шеренгах стоять,
Офицер огласил приговор:
«Всю деревню приказ расстрелять!».

Тех детишек, которым до года,
Из деревни везли на подводах.
Шли ни мертвые, шли ни живые
Обреченные к яме-могиле.

О чем мысли: о жизни ли? Кто ты?
Да и помнишь, вообще, как зовут?
Когда в лица, в упор — пулеметы,
Когда времени — горстка минут.

Тихий ад вперемешку с молитвой,
Стихли стоны и плач, только вот:
Вдруг с небесной осенней палитры
Приземлился на луг самолет.

Офицер в белом лётном костюме
Исполнение приказа сурово
Попросил, пребывая в раздумье,
Отложить до 12-ти ровно.

Что несчастным, к расстрелу готовым,
Делать, кроме как Бога молить.
А майор тот обмолвился словом:
«Прилечу — значит будете жить».

Он успел — отменили расстрел.
Ох, жестока судьба-плутовка.
Только вот почему офицер
Посадил самолет в Рожковке?

На Берлин; время нет — расстояние.
Как увидел он вдруг в облаках
Не мираж, в голубых одеяниях
Божью Матерь с младенцем в руках.

Повинуясь святому знамению,
От услышанных слов впечатленный,
Офицер, исполняя веление,
Приземлился и спас обреченных.

В дар икону принес Богородицы,
Какой видел её в небесах.
В деревенской церквушке и водится
С той поры перед нею в мольбах.

Шли тяжелые, страшные годы,
Гасли жизни и судьбы во мгле.
Смерть водила свои хороводы —
Шла война на отцовской земле.

А война, как известно, безлика,
За войной — миллионы имен.
Она — в силе предсмертного крика,
В пальцах, сжавших последний патрон.

Я же просто хотел, пусть неловко,
Может быть, не найдя нужных слов,
Рассказать про деревню Рожковка
Из глубин беловежских лесов.

КНІЖНАЯ ЗАЛА



«Прикольные игры...» Ивана Орлова

Прикольные игры на Краю Света: три повести об отрочестве / Иван Орлов; (ил. Н. Агафоновой). — М.: Дет. лит., 2014. — 289 с., ил. — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова).



Не перестает удивлять читателей гранями своего творчества 54-летний Иван Орлов, которого многие брестчане, в том числе и я, больше знают как журналиста и автора детективных повестей.

Напомним, что его детективы, начиная с 1992 года, с завидной регулярностью печатались в России. Там он пробился в условиях жесткой конкуренции и стал более востребованным, чем в родных пенатах. Одна за другой увидели свет повести И. Орлова «За удачей по пятам» (первая премия журнала «МЫ»), «Горячая ртуть», «Долгое возвращение», «Любовь в городе псов», «Тень зверя», «Психушка», трилогия «Таможня», иронический детектив «Модный бизнес». В рецензиях критики пишут, что автор тяготеет к «сугубому реализму» с хорошим сюжетом и без моря крови. Все это позволило ему стать членом Международной ассоциации русских писателей.

А в этом году в российском издательстве «Детская литература» тиражом в 3000 экземпляров вышла новая, довольно объемистая книга Ивана Орлова «Прикольные игры на Краю Света». На этот раз он выдал «на-гора» не привычные для него детективы, а три повести для подрастающего поколения, иллюстрированные «живыми рисунками» **Нины Агафоновой**, выпускницы Московского государственного института им. В.И. Сурикова. Это — «Джульетта в городе псов» (повесть о первой любви), «Бои без правил» (историческая повесть) и «Поцелуй дракона» (приключенческая повесть).

Читая их, отмечаешь прежнюю ироничную манеру письма автора, динамичные сюжеты и порой трагические ситуации, в которых, однако, видишь не безысходность, а свет в конце туннеля. Все повести различны по замыслу, жанру и стилю, но их роднит одно — не при-

думанная правдивость места действия и ситуаций, фальшь которых так остро чувствуют дети «трудного возраста». Но не будем пересказывать содержание повестей – лучше их внимательно прочитать.

Книга эта вышла в престижной серии «Лауреаты международного конкурса имени Сергея Михалкова» — на лучшее художественное произведение для подростков. Девизом конкурса стали слова писателя: «Сегодня — дети, завтра — народ». Кстати, этот конкурс проводится в России каждые два года, начиная с 2007-го, и шанс брестского литератора стать лауреатом III конкурса был весьма проблематичным: более 600 рукописей приняли в нем участие. Придирчивое жюри отобрало чертову дюжину произведений и назвало лауреатов из России, Украины, США, Израиля. Среди них — и два произведения из Беларуси: «Прикольные игры на Краю Света» И. Орлова и «Я хочу в школу» писательского тандема А. Жвалевского и Е. Пастернак (Минск). Знак лауреата и в придачу к нему айфон в подобающей такому случаю обстановке в Москве вручил Ивану Орлову сын писателя, известный кинорежиссер **Никита Михалков**.

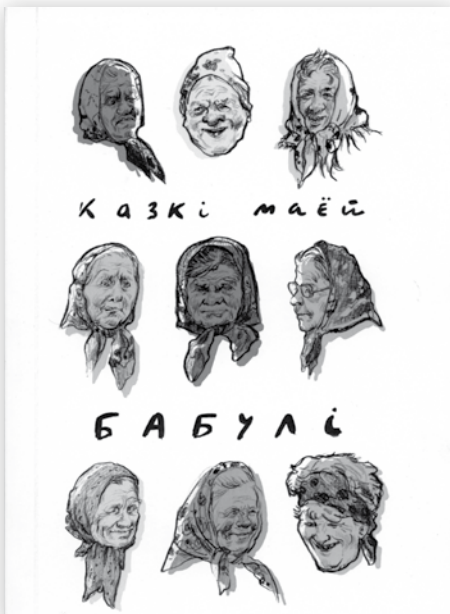
Надо отметить, что новинка Ивана Орлова появилась в Бресте пока только в областной библиотеке им. М. Горького: 4 экземпляра — в отделе литературы для детей и юношества и по одному экземпляру — на абонементе и в отделе краеведения.

Однако, как стало известно, до магазинов «Брестоблкниги» она еще не дошла, но не исключено, что все же появится на прилавках. В любом случае стоит поздравить нашего земляка-литератора с новым творческим успехом!

Юрий ШАПРАН

Галасы спадчыны

ДзУК «Брэсцкі абласны грамадска-культурны цэнтр». Брэст, 2014.



ШАНОЎНЫЯ СЯБРЫ!

Мы прапануем Вам для азнаямлення зборнік казак, сабраных пры дапамозе раённых метадычных цэнтраў амаль з усёй тэрыторыі Брэсцкай вобласці.

У гэтым выданні мы не ставілі мэту прааналізаваць усе сюжэты казачнай прозы, ахарактарызаваць усе іх вобразы. Мы імкнуліся адабраць для прыкладу толькі найбольш цікавыя і па-мастацку прыгожыя творы, хацелі прадэманстраваць лепшыя ўзоры мясцовай народнай творчасці.

Некаторыя тэксты здадуцца знаёмымі — у зборнік увайшлі не толькі палескія, але і творы з агульнавядомымі па ўсёй тэрыторыі Беларусі сюжэтамі. Але амаль кожная казка распавядаецца ў асаблівым стылі і на асаблівай мове — на мясцовым дыялекце. Мы не маглі пакінуць па-за ўвагай і аўтарскія варыянты казак таленавітых апавядальнікаў нашага рэгіёну — Настассі Якавец з в. Лобча Лунінецкага раёна і Пятра Шапецюка з в. Лелікава Кобрынскага раёна.

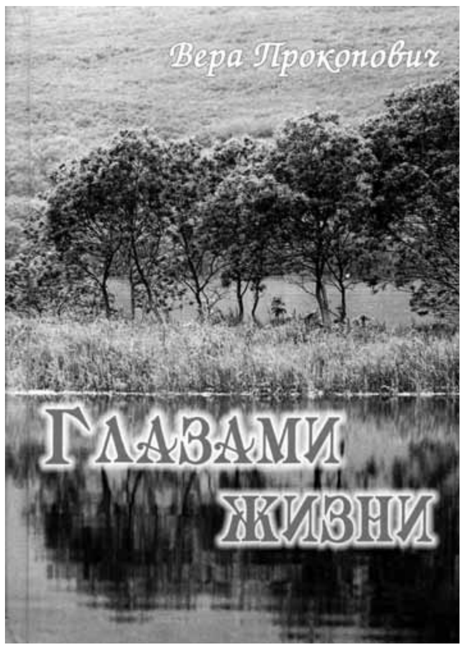
Як і раней, гэтыя творы не страцілі сваёй выхаваўчай функцыі, асабліва для дзяцей. Ва ўсіх прапанаваных казках (і чарадзейных, і сацыяльна-бытавых, навелістычных, сатырыка-гумарыстычных і ў казках пра жывёл) прасочваецца народная мудрасць, правілы паводзін у грамадстве, этыка.

Здаецца, што перагортваючы старонку за старонкай, мы чуем голас, блізкі і родны, які ў начным паўзмроку шэптам раскрывае сусветную мудрасць. Гэта голас і душа нашых бабуль, і менавіта гэтым голасам гучыць наша спадчына.

Наталля КРАЎЧУК,
метадыст па этнаграфіі і фальклору
ДзУК «Брэсцкі абласны грамадска-культурны цэнтр»

Уроки мудрости Веры Прокопович

Глазами жизни: собрание сочинений / Прокопович Вера Павловна. — Донецк: ЛАНДОН-XXI, 2014. — 278 с.

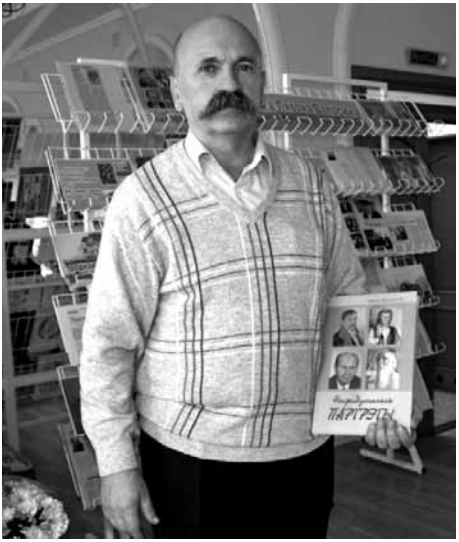


Проза и поэзия Веры Прокопович трогает до глубины души... Казалось бы — простые житейские истории, знакомые многим, и написанные таким же простым и понятным языком... Сюжеты разные, но в них, главное, нет фальши.

Только Понимание, Сострадание и Любовь.

Не сомневаюсь, что читатели это оценят.

Прэзентацыя новай кнігі Леаніда Валасюка «Непрыдуманыя партрэты»



24 кастрычніка ў Цэнтральнай гарадской бібліятэцы імя А.С. Пушкіна прайшла прэзентацыя новай кнігі мастака, паэта, празаіка Леаніда Валасюка «Непрыдуманыя партрэты».

Леанід Фёдаравіч нарадзіўся ў вёсцы Песцянькі Кобрынскага раёна ў 1955 годзе. У шасцідзясятыя разам з сям'ёй пераехаў у Брэст. Скончыў СШ № 16, вучыўся на архітэктурным факультэце Брэсцкага інжынерна-будаўнічага інстытута.

Выданне кнігі Леаніда Валасюка — прыкметная культурная падзея года. «Непрыдуманыя партрэты» — гэта не проста зборнік, які змяшчае біяграфіі творчых асоб, гэта свайго роду кніга-эсэ.

Як адзначыў на сустрэчы пісьменнік Іван Мельнічук: «Кніга вучыць бачыць і адчуваць прыгожае, выхоўвае любоў да роднай зямлі. Яна дапамагае захоўваць беларускую культуру, мову і традыцыі народа».

Ідэя напісання «Непрыдуманых партрэтаў» паўстала нечакана. З гадамі назапашваліся гісторыі жыцця творчых асоб. З многімі ён быў знаёмы асабіста. Пазней гэтыя ўспаміны і сталі асновай кнігі, у якой утрымліваецца больш за 100 біяграфій мастакоў і літаратараў Брэстчыны.

Творчая сустрэча прайшла ў цёплай і ветлай абстаноўцы. Было выказана шмат слоў падзякі ў адрас Леаніда Валасюка. Аўтар у сваю чаргу падзякаваў гасцям, а таксама ўсім тым, хто дапамагаў яму ў напісанні і выданні кнігі. Ён падкрэсліў, што магчыма выданне яшчэ не аднаго тома партрэтаў творчых людзей, бо патэнцыял Брэстчыны ў галіне літаратуры і мастацтва вельмі шырокі.

Лілія ПУХ, г. Брэст





ДЕБЮТ



Ксения Шахалевич

13 лет, учится в 8 классе средней школы д. Вельямовичи. Увлекается музыкой (играет на фортепиано, поет), занимается в кружке литературного творчества «Фантазеры» от ЦВР (руководитель Шахалевич Елена Владимировна), играет в шахматы (диплом 1 степени в районной спартакиаде), учится на хорошо и отлично.

Звон весны

Где же зимние метели?
Где же тот мороз и вьюга?
Слышу я лишь звон капели,
Вместо льда иду по лужам.
Солнце улыбнулось ярче
Воздух стал теплее, мягче,
Птицы веселей запели
И цветы на мир глядят.
Это ведь не сон, не шутка!
Зеленеет лес, трава...
Неужели той капелью
Постучалась к нам весна?!

***

Осень постучала мне в окошко
Золотистым красным листопадом...
И скучает вновь по лету кошка,
Все следит, как облака плывут куда-то...
Лебеди кричат: «Прощай, мой милый край!»,
Снова улетают в золотую даль...
А осинки желтые все шуршат, шуршат.
«Здравствуй, здравствуй, осень!» — хором говорят.
И блестит холодная роса
Утром на траве осенней...
Так красива в октябре заря —
Прекрасное природное творенье!
И вот уж скоро упадет
Последний лист, которого нет краше!
Подхватит его ветер, унесет,
За горизонт, а может быть, и дальше...

Элла МОРОЗОВА,
директор Брестской районной централизованной библиотечной системы

ВЕРНІСАЖ





С ФОТОКАМЕРОЙ ПО ЖИЗНИ
СКАКУНЫ

Продолжаем знакомство читателей с авторскими фотоработами Алексея Степановича Скакуна — председателя знаменитого СПК «Остромечево». Так уж получилось в судьбе этого незаурядного человека, организатора сельхозпроизводства, гражданина, что его фамилия давно уже превратилась в своеобразный символ, который сопровождает всю его жизнь и замечательные дела. Наверное, не случайно этот символ вдохновляет мастеров пера и кисти воплощать его в художественных произведениях, а самого Скакуна с особой любовью и пристрастием относиться к настоящим, живым коням... И запечатлевать их на фотопленке в самых различных проявлениях повседневного бытия.












СПК
Остромечево
конно-
спортивная
база









Целительная живопись Константина НИКОЛАЙЧУКА



Константин Константинович Николайчук живет в д. Знаменка Брестского района, пенсионер. Рисованием увлекается с детских лет. После средней школы служил в армии, окончил Одесское художественное училище, Симферопольский медицинский институт.

Работал заместителем главного врача санатория «Берестье», врачом-психотерапевтом.

По утверждению знакомых, наделен даром народного целителя, которым владели его мать и бабушка. А его живописные работы также обладают лечебным биополем...

Все свободное время посвящает живописи: пишет пейзажи, портреты, натюрморты, репродукции картин известных художников. Одна из любимых тем творчества — портреты ветеранов Великой Отечественной войны. С особым трепетом относится к изображению лошадей.

Акварели Константина Николайчука не единожды демонстрировались на различных выставках. В том числе были представлены на районных «Дожинках-2014» в Остромечево.

Награжден рядом дипломов.



Константин Николайчук.
Копия картины
«Охотники на привале» (1871)
художника-передвижника
Василия Перова. 2010 г.



Константин Николайчук. «Сельский натюрморт». 2013 г.



Константин Николайчук. «Подсолнухи». 2012 г.



Константин Николайчук. «Астры». 2013 г.

Страничку подготовила к печати Наталья Сверба

СТАРОНКІ ГІСТОРЫІ



Страницы из биографии народного хора имени Георгия Хлебцевича

Шел 1945 военный год, год, который вписан золотыми буквами в нашу историю, как год замечательной Победы над фашистской Германией.

Еще слышны были залпы орудийной канонады нашего наступления на Висле, еще свежи были в памяти ужасы фашистской оккупации, унесшей многочисленные жертвы белорусского народа, а правительство уже тогда дало указание отделам культуры провести смотры художественной самодеятельности под девизом «За Победу!».

Да, близость победы ощущалась буквально во всем: в скупых сводках информбюро, в письмах, присылаемых нашими фронтовиками, и в рассказах солдат, возвратившихся после ранения домой.

Приближение конца войны вызывало радость повсюду: радовались и старики, и молодежь, и дети. И если радость первых была сдержанной, то радость других — бурной, необузданной, выражавшейся в песнях и танцах. Да, у молодости свои законы.

И вот на приглашение заведующей избой-читальней (так тогда именовался клуб) Александры Григорьевны Корчагиной и директора Приборовской семилетней школы Карпа Семеновича Коломойца откликнулось 15 девушек,

30-летие хора. Снимок 1983 г.



которые и поехали на смотр зимой. Ехали в п. Домачево на лошади, был ужасно сильный мороз. Выступали в костюмах, собранных со всей деревни. Прошло три года. Страна поднималась из руин. Возвращались домой с войны бывшие воины, активно включаясь в восстановление разрушенного хозяйства, но в памяти людей навсегда остались подвиги наших солдат, и о них поведала «Песня о Днепре», спетая нашим хором на очередном районном смотре в 1948 году.

Все больше возвращалось молодых парней из армии, и к концу 1952 — началу 1953 годов состав хора уже был смешанным. Огромную роль в организации коллектива сыграл директор Приборовской школы Владимир Яковлевич Василюк, благодаря активному участию которого хор продолжил свою деятельность. По-другому зазвучали песни и к очередному смотру 1953 года: коллектив исполнил такие произведения, как «Русская красавица» композитора Захарова, белорусские народные песни «Рэчанька», «Ох, і сеяла Ульяніца лянок».

С какой радостью было встречено первое место в районном смотре и премия в виде двухрядной гармошки. Сразу нашлись музыканты среди участников и началась забава, длившаяся всю ночь. Под звуки «Огонька», «Хороши весной в саду цветочки», вальса «Над волнами» танцевали все без исключения.

Получив право защищать район на областном смотре, хор стал серьезно готовиться к этому событию, и первым экзаменом было выступление на праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией в городе Шацке Волынской области Украинской ССР.

Наконец, настал долгожданный день смотра, и какова же была радость всех, когда жюри объявило о победе хора и о праве представлять область в городе Минске.

1954 год. Республиканский смотр. Представительное жюри во главе с народным артистом СССР Григорием Романовичем Ширмой, народной артисткой СССР Ларисой Помпеевной Александровской, композиторами Пукстом, Тикоцким, Аладовым и другими

30-летие хора. Снимок 1983 г.





Выступление Приборовского хора во Дворце профсоюзов г. Бреста на Слете передовиков. Снимок 1983 г.

высоко оценило выступление хора, и сам Ширма взял над хором шефство, обещав в скором времени посетить Приборово.

Григорий Романович сдержал свое слово и в июне 1955 года побывал в Приборово, позанимался с хором, провел беседы с его участниками. Приезд столь именитого гостя произвел неизгладимое впечатление на всех, кто с ним встречался. Хор тогда пополнил свой репертуар такими произведениями, как песни «Вечерний звон», «Однозвучно гремит колокольчик», «Славься», «Амурские волны», «Гибель Варяга», заключительной арией из оперы Глинки «Иван Сусанин» и другими.

1957 год. Год, в котором Москва принимала у себя посланцев молодежи всего мира. Этому событию предшествовали фестивали в районах, областях и республиках всего Советского Союза. Хору в очередной раз была представлена честь выступать в составе Брестской областной делегации в городе Минске. Неизгладимые впечатления остались от марша по улицам Минска колонны, впереди которой со знаменем области шел участник нашего хора Иван Якимович Прокопюк.

Колонны всех областей республики входили на стадион «Динамо» и выстраивались на его поле. Среди нашей колонны был прекрасно оформленный на грузовой машине макет Брестской крепости, при въезде которого на стадион переполненный зал аплодировал. Затем было выступление в «Театре оперы и балета», участие в концертах на Минском автомобильном заводе, в парке Челюскинцев.

Ежегодные встречи ветеранов войны, бывших партизан не обходились без участия хора. Проникновенно на них звучали песни «Нёман», «Лясная песня».

По решению правительства в 1960 году проводились смотры сельской художественной самодеятельности. Успешно пройдя районный и областной этапы, коллективу опять было предоставлено право участия в составе Брестской области на республиканском смотре. Во время подготовки хор вторично посетил Григорий Романович Ширма и привез с собой репертуар, который состоял из песен «Там, каля млына», «Зорка, ой, зоранька», «Не слышно шуму городского». Их исполнение оставило хорошее впечатление у жюри, рекомендовавшее присвоить хору звание «Народной хоровой капеллы». В том же 1960 году он был награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР и Почетной грамотой Министерства культуры БССР.

1969–1970 годы ознаменовались выездом в Польшу с обменными концертами, а в 1977 году за участие в ре-

спубликанском фестивале народного творчества и за многолетнюю пропаганду хорового искусства, большую концертную деятельность хору было присвоено звание «Народный».

С объединением колхозов им. Гагарина и им. Дзержинского коллектив пополнился участниками из деревень Комаровка и Томашовка. В основном это была молодежь.

Возглавляет в те годы коллектив Георгий Алексеевич Хлебцевич — большой энтузиаст самодеятельного хорового творчества. Добрым отношением к людям и песенным истокам он сплотил хоровой коллектив, помог обрести ему самобытность и признание слушателей. Приходили новые люди в хор, росла его популярность и слава. Но Георгий Алексеевич на каждой репетиции снова и снова оттачивал, шлифовал многоголосие хора, добиваясь выразительности и красоты звучания каждого голоса. Долгие годы терпеливой работы не прошли даром — самодеятельный коллектив собрал и обработал уникальный белорусский музыкально-певческий фольклор.

22 года на общественных началах руководил Георгий Алексеевич Приборовским хором. И только когда в 1974 году в СДК была введена ставка художественного руководителя, только тогда стал получать зарплату.

В коллективе за последние годы часто сменялись руководители.

В 2003 году хором руководила Кириллова Елена Юрьевна, в 2005 году пришел молодой специалист Пожарный Александр Анатольевич. Благодаря этому молодому, энергичному руководителю хор обновил репертуар, стал выезжать в г. Брест на различные мероприятия, на Украину. Принимал участие в фестивале «Галасы Прыбужжа».

В феврале 2008 года на должность руководителя хора назначили Волкову Инессу Константиновну, которая имеет широкий творческий опыт. Обновился репертуар, пополнился (можно сказать, обновился и в данный период обновляется) состав участников, расширилась концертная деятельность.

Приборовский народный хор очень тесно сотрудничает с ОАО «Комаровка» и с началом уборочной страды постоянно выезжал в поля с концертными программами. Очень жаркая совместная работа закончилась празднованием дожинок. Хор в июле принимал участие в мероприятиях г. Бреста, приуроченных к Дню освобождения областного центра. Лето принесло хору и неприятные события. Не стало великого человека — Хлебцевича Георгия Алексеевича, создателя Приборовского народного хора. Его уход негативно сказался на настроении

Народный хор имени Георгия Хлебцевича Комаровского СДК. Снимок 2009 г.



участников, особенно тех, которые развивали свое вокально-хоровое мастерство еще при его руководстве.

Осень 2008 года была для коллектива очень напряженной. Взять только один месяц октябрь, когда коллектив провел десятки концертов на разных уровнях. Это и районное мероприятие, посвященное Дню пожилых людей, это и выездные концерты в другие населенные пункты, приуроченные к Дню матери, это и поездка на Украину, и огромный концерт, посвященный празднику деревни. Случалось и такое, что коллективу приходилось давать в день по несколько концертов на различных площадках.

Еще важно подчеркнуть и то, что в связи со строительством агрогородка Томашовка, где находится Комаровский СДК, у Приборовского народного хора прибавилось работы, так как посещают этот красивый населенный пункт многие гости, в том числе и заграничные, а коллектив является ярким примером национальной культуры и всегда с радостью делится своим песенным творчеством.

Архивные снимки из семейного альбама любезно предоставила для публикации Ольга Михайловна ДОРОШУК, бывшая заведующая Приборовским сельским клубом, одна из организаторов и энтузиастов народного хора имени Георгия Хлебцевича

ВАСИЛЮК Владимир Яковлевич,
Заслуженный учитель Беларуси, житель пос. Домачево

Как Георгия Хлебцевича принимали на работу в школу



Это было давно. Я по направлению Домачевского районо 15 августа 1948 г. был направлен на работу в Приборовскую семилетнюю школу. В то время городской поселок Домачево считался районным центром.

Приборово село большое. Школа располагалась рядом с церковью, клубом и сельсоветом. Церковь и здание школы, как утверждали старожилы, были построены более 150 лет тому назад, еще до нашествия Наполеона.

В 1950 г. я женился. Жена заболела, и по этой причине мне пришлось обращаться за помощью к семье Георгия Алексеевича Хлебцевича. Тогда он работал, а вернее, служил псаломщиком Приборовской церкви, а его жена Вера Парфировна — заведующей ФАКом.

Ходили мы на уколы на дом Хлебцевичей. Естественно, постоянное общение сблизило. Разговаривали обо всем, в том числе о религии, церкви. Семья была очень гостеприимная. Разговоры были всегда откровенные. Я знал, что до 1939 г. он учился в Бресте в русской гимназии. Отец был священником. Правда, к моему приезду в Приборово его уже не было в живых. Приборовским священником в то время служил о. Каратай.

Из разговоров с Георгием Алексеевичем можно было понять, что церковная служба его не устраивала.

Однажды я ему предложил организовать при Приборовском сельском клубе колхозный хор. Хлебцевич напомнил, что такой хор раньше уже существовал, однако распался. Обещал подумать. А через некоторое время согласился, и даже пообещал привлечь в колхозный хор участников хора церковного, действовавшего при Приборовской церкви.

Прошла зима. Ближе к весне Георгий Алексеевич окончательно решил возглавить-возродить колхозный хор. Однако попросил трудоустроить на любую вакантную должность с окладом хотя бы 100–150 рублей.

К тому времени — 1957 г. — я уже был директором Приборовской семилетки и возглавлял партийную организацию местного колхоза. Вариант нашелся, казалось бы, оптимальный — предложить Г.А. Хлебцевичу ставку школьного счетовода... Но вот незадача — на эту должность претендовал член партии, председатель сельсовета П.И. Глёх. Кому отдать предпочтение?

...Вскоре проходил пленум РКП. После заседаний я обратился за советом к секретарю РКП Петру Михайловичу Юшкевичу. Объяснил создавшуюся ситуацию, попросил помочь разобраться. ...Секретарь райкома сказал примерно следующее: мол, вопрос непростой, предложение создать колхозный хор заманчивое, но не мешало еще обсудить ситуацию на открытом партийном собрании колхоза. Дескать, есть опасение, что возглавив колхозный хор, Хлебцевич продолжит петь и в хоре церковном, а это, сами понимаете...

К счастью, общее партийное собрание мое предложение поддержало. П.И. Глёху порекомендовали остаться на прежней должности, а Георгий Алексеевич моим приказом был назначен школьным счетоводом. Вдобавок предложил ему вести в школе уроки физкультуры в 5–7 классах. Какой-никакой, но приработок. Районо на словах обещал провести эти решения соответствующим приказом...

Вскоре меня обвинят в якобы незаконном — через голову районо — кадровом решении, в других нарушениях трудового законодательства и прочих грехах. Мне начали грозить партийной, административной ответственностью. Однако, тем не менее, Г.А. Хлебцевич был трудоустроен и смог вплотную заняться организацией колхозного хора. Состоявшийся накануне — очень кстати — Пленум ЦК КП (б), обсудивший практику идеологической работы с церковью и верующими, окончательно утихомирил пыл некоторых ретивых чиновников...

Прошел год. Колхозный хор, репертуар которого составили в основном народные песни и произведения белорусских композиторов, что называется, стал подыматься в гору. Занял первое место на районном и областном смотрах художественной самодеятельности. С успехом выступил на республиканском смотре. Пел коллектив, главным образом, а капелла. В Минске Приборовским хором заинтересовался

народный артист СССР, композитор и фольклорист Г.Р. Ширма. После приезда маэстро Ширмы в Приборово и знакомства с хором, о приборовцах стали писать в районной, областной газетах. Хлебцевичу предложили работу в ДК г.п. Домачево, Домачевской СШ.

Из года в год слава Приборовского хора под руководством Г.А. Хлебцевича ширилась и крепла, гремела на всю республику. Настал тот час, когда хору было присвоено почетное звание «Народный», а Георгию Алексеевичу — титул самодеятельного композитора.

...Об этих подробностях мало кто знает и помнит, ибо я никогда ими не афишировал, однако горжусь тем, что в свое время помог замечательному человеку, талантливому музыканту, композитору и дирижеру Георгию Алексеевичу Хлебцевичу, с которым нас связывала многолетняя искренняя дружба, найти свое место в жизни и творчестве.

ВАСИЛЮК Тамара Александровна,
Заслуженный учитель Беларуси, жительница г.п. Домачево.

Как мы встречали композитора Ширму



Вспоминаю далекий 1955 год. В то время наша семья жила и работала в деревне Приборово тогдашнего Домачевского района. Мой муж, Владимир Яковлевич Василюк был директором Приборовской семилетки, а я вела начальные классы.

К этому времени, благодаря усилиям Владимира Яковлевича, бывший псаломщик Приборовской церкви Георгий Алексеевич Хлебцевич был оформлен на работу учителем физкультуры в нашей школе, а основным его занятием стало руководство хором народной песни, созданном им же при местном клубе. Репетиции хора охотно посещали жители Приборово и ближайших деревень, учителя. Выступления в местном клубе, на районном и областном смотрах художественной самодеятельности всегда собирали массу зрителей, популярность хора росла из месяца в месяц. И вот настал тот, не скрою, счастливый и знаменательный день, когда неожиданно к нам приехал известный на всю республику композитор Григорий Романович Ширма. Забегая вперед, скажу, что эта поездка знаменитого маэстро во многом способствовала общественному признанию Приборовского хора, а также значительно повлияла на дальнейшую судьбу бессменного хорового дирижера Георгия Хлебцевича, которого мы в личном общении, по-дружески называли просто Жорой.



Принимали дорогого гостя на нашей квартире. Григорий Романович Ширма оказался человеком общительным, во всех отношениях обаятельным. Живо интересовался жизнью школы, деятельностью хора, народным репертуаром, много расспрашивал всех нас и в особенности нашего самодеятельного дирижера Георгия Хлебцевича. Делал необходимые записи. Беседа происходила на веранде. И тут маэстро обратил внимание на зимнюю шапку-ушанку, лежавшую в уголке. А там жила ручная белка, которую принесли мальчишки-школьники и за которой я ухаживала. Белка неожиданно прыгнула на протянутую к ней руку маэстро, и стремглав взобралась ему на плечи. Стала шнырять туда-сюда. То-то было кутерьмы и смеху!

После всего этого мы сфотографировались на память на фоне дерева в нашем дворе.

Дальнейшая наша жизнь складывалась по-разному. Были, конечно, и успехи, и огорчения. Хор под руководством Хлебцевича много выступал, обновлял и расширял репертуар. Исполнял песни и на музыку своего дирижера. Я глубоко уверена, что приезд композитора Г.Р. Ширмы послужил для его становления и развития замечательным стимулом.

Спустя некоторое время мы с мужем перебрались в Домачево. Владимир Яковлевич преподавал в Домачевской СШ биологию и рисование, а я по-прежнему занималась начальными классами. Общим мой педагогический стаж — почти 40 лет. Г.А. Хлебцевич также преподавал пение в Домачевской СШ. Создал замечательный хор учителей. Но руководство хором в Приборово не оставлял. Со временем Комаровскому (изначально Приборовскому) хору было присвоено звание народного, а также имя его создателя — Георгия Алексеевича Хлебцевича.

На снимке: Владимир Яковлевич и Тамара Александровна Василюки (крайние слева), Григорий Романович Ширма (в центре), Георгий Алексеевич Хлебцевич (второй с правого края). 1955 г., д. Приборово.

Вокальное трио «Кацярынка»

Приоритетное направление репертуара — старинные белорусские песни, духовная музыка, а также песни украинские, русские и другие.

Ансамбль с неизменным успехом участвует во всех культурных мероприятиях, концертах, презентациях, проводимых в г. Бресте и Брестской области, и является украшением любого концерта, сохраняя и популяризируя своим творчеством народные песенные традиции Берестейского края.



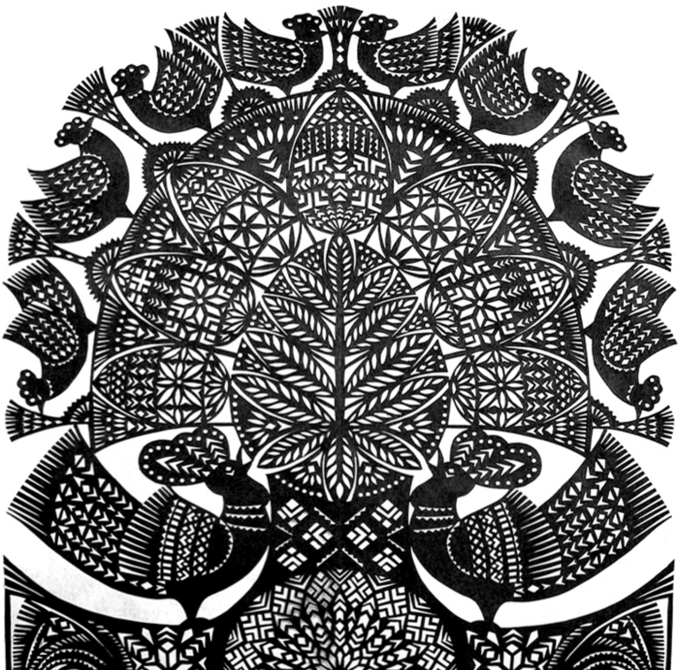
Слева направо:

Екатерина Лобан *— учащаяся УО «БГМК им. Г. Ширмы» хорового отделения по специальности «Народный хор», родом из Жабинки;*

Екатерина Федорова *— руководитель ансамбля, преподаватель УО «БГМК им. Г. Ширмы» музыкально-теоретических дисциплин, родом из Бреста;*

Екатерина Литвинчук *— учащаяся УО «БГМК им. Г. Ширмы» хорового отделения по специальности «Академический хор», родом из Березы.*

КАРАНІ



Ключ от старой мельницы

Однажды мне пришлось прибираться на чердаке родительского дома. Как известно, чердак — весьма заманчивое место. Не знаю, как у других, но в детстве я порядочно времени провела на чердаке. Это же целый мир — среди нужного и ненужного хлама здесь лежали журналы, игрушки, старые вещи (каждая со своей историей!). И, как на машине времени, всегда можно было унестись в своих фантазиях в неведомые дали!

Впрочем, я отвлеклась. Наводя порядок на чердаке, подметая и глотая пыль, я невольно размышляла о тех людях, которые раньше жили в этом доме. Чем они занимались, как сложилась их судьба? Знала я об этом очень мало, а хотелось бы больше... Этот дом мои родители купили у Федорука Александра. Немного символично, что усадьбу, где жил мельник и стояла мельница, купил мой отец по фамилии Мельников.

И вот, выметая пыль из-под балки, под метелкой что-то звякнуло, и я вытащила из мусорной кучки старый железный ключ, нынешним не чета — сантиметров 15 длиной, изящный в своей простоте. Я присела на балку и задумалась. Все старинные вещи имеют свою историю, свою притягательную ауру. Когда смотришь на них, так и представляешь, сколько людей до тебя держали эти вещи в своих руках. Возможно, каждый день пользовались, нуждались в них. Сейчас же они лежат, всеми забытые и заброшенные.

А затем отыскались два старых керосиновых фонаря «Летучая мышь». Один фонарь — более мелкий, другой был











чуть побольше размером. Они были схожи и в то же время разительно отличались друг от друга. Словно парочка: он — крепкий и надежный, служил свою службу в дворовых хозяйственных постройках. Она — стройная и изящная, на маленькой шляпке видны едва различимые буковки, — освещала комнату хозяйки. Они были разлучены, а теперь соединились.

История керосиновой лампы началась в середине XIX века. Тогда помощники фармацевта львовской аптеки Ян Зег и Игнатий Лукасевич в результате опытов с нефтью получили керосин и бензин. А мастер-жестянщик Адам Братковский придумал, как использовать керосин для освещения. Он помог аптекарям сделать окончательную конструкцию керосиновой лампы. А в Польше соавтором керосиновой лампы, а иногда даже единственным ее изобретателем называют Игнатия Лукасевича. В польском городе Кросно ему установили памятник как «творцу нефтяного промысла Галичины».

Название «Летучая мышь» происходит от слова «Fledermaus». Так называлась немецкая фирма, которая в XIX веке создала ветроустойчивый фонарь с керосиновой лампой. Позже так стали называть все подобные светильники. Вот такие исторические сведения почерпнула я из Интернета.

Казалось бы, фонарь — бытовая и вполне заурядная вещь. Какую роль может сыграть такой фонарь в истории?





Однако предание гласит, что большой пожар в Чикаго в конце XIX века вроде бы начался из-за разбитого коровой в сарае керосинового фонаря. А первые небоскребы, как известно, начали строить после пожара именно в этом городе...

А что же ключ? Может быть, он от старой мельницы? В книге Ивана Панасюка «Остромечево и «остромычивци» читаю: «Напротив кузницы через дорогу (между «Толочыха» и «Заклунне») стояла красивая ветряная мельница — «млын», как ее называли все. Это был неофициальный символ нашего села, жаль, что его в 70-е годы разобрали, он бы простоял еще более ста лет. Сколько раз мы ночами бывали наверху, видели совушек-сычей. А перевезен он был при Польше из деревни Ужики Каменецкого района. «Млын» достался Федоруку Александру в качестве приданого его жене».

Да и я помню эту мельницу! Частенько мы, дети, прибегали сюда. Старая мельница манила нас своей высотой и таинственностью. Ведь даже тогда, в 70-е годы, это был уже исторический раритет! Хозяин-мельник прогонял нас, страшась, как бы не свернули мы свои бесшабашные головы, карабкаясь по уступам и закоулкам деревянной мельницы. Куда там! Нас притягивало, как магнитом, к запретному плоду...

Я вспомнила, что недалеко от того места, где стояла мельница, лежали жернова. Наверное, когда ее разбирали, тяжелые жернова просто сбросили в сторону, и так они пролежали на земле почти пятьдесят лет.

Прибравшись на чердаке, я пошла в сад. Вот они — величественные обломки старины, поросшие мхом, грузно ушедшие в землю. Одного уже нет, хотя я помню, что был такой, из сердцевины его даже выросло дерево. Мы детьми приходили сюда, полюбопытствовать и поглазеть на диковинку. Пока расчищала мох и снимала слой земли, обнаружила на одном из жерновов клеймо с буквами, на диво хорошо сохранившееся: «Neuman & Schohz Breslau». А когда откапывала второй жернов, неожиданно нашла еще и третий! Он давно покрылся толстым слоем земли и спрятался от глаз людских.

С интересом рассматривали наши с сестрой внуки — Дима, Артем и Алеша — и клеймо, и жернова. Им, детям XXI века, это — преданья старины глубокой. А жернова, скорее всего, напоминают летающие тарелки инопланетян!

Жаль, что от бывшего неофициального символа деревни Остромечево остались только жернова, старый железный флюгер да длинный, необычный ключ, с которого и начался мой рассказ. Наверное, это хорошо, что хоть что-то осталось нам, потомкам, чтобы помнили и не забывали.

Старый сад засыпал в предвечерних сумерках. Умолкали птичьи голоса. И снилось старым яблоням, что они молоды и окутаны ажуром белоснежных цветов, и весело жужжат пчелы, и едва слышно порхают мотыльки, и старая мельница устало машет своими крыльями...

Алла КРАЦ
Фото автора

КАЛАЎРОТ КУЛЬТУРНАГА ЖЫЦЦЯ



Космический десант в Прибужье



Такого в Томашовке и Остромечево еще не было: хлебом-солью встречали в канун очередной годовщины Великого Октября наших славных космонавтов — уроженцев Беларуси — Петра КЛИМУКА, Владимира КОВАЛЁНКА и Олега НОВИЦКОГО, в разные годы покорявших космическое пространство.

Поездка была связана с их участием в работе VI Белорусского космического конгресса, состоявшегося в Минске. Из Минска звездные братья направились на Брестчину. Сначала была искренняя и сердечная встреча в Томашовке с посещением Музея космонавтики в средней школе, затем космонавты направились в Остромечево. Дорогих гостей сопровождал председатель Брестского райисполкома Владимир Мацука.

— С Алексеем Скакуном мы давние друзья. Он многое сделал для всех нас. Один только гостиный зал в сельском Доме культуры многое значит, — говорит Петр Ильич Климук, давний и добрый друг СПК «Остромечево» и его председателя.









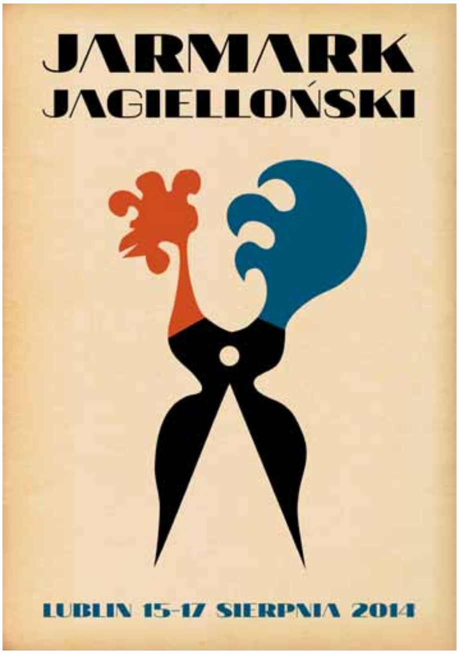
Действительно, зал впечатляет. На его стенах — космические символы, цветные фотографии, высказывания ученых и самих космонавтов о Вселенной, о планете Земля...

Кстати, в хозяйстве разбит молодой плодовый сад имени Петра Климука.

Белорусские космонавты встретились с творческими коллективами Остромечево, совершили экскурсию по агрогородку. И, конечно же, охотно сфотографировались с юными остромечевцами и оставили автографы в Книге почетных гостей.

Микола ПАНАСЮК
Фото Михаила ГУБАРЕВА





Ягелонскі кірмаш у Любліне

Гэта адна з самых вядомых у Польшчы і за яе межамі імпрэз, звязаных з папулярызацыяй традыцыйных рамёстваў.

Карані традыцыі яго правядзення сягаюць у XV стагоддзе. У шэрагу мэтаў кірмашу — развіццё супрацы з усходнімі суседзямі Польшчы: Беларуссю, Украінай, Літвой. Таму кожны год у Люблін прыязджае шмат беларускіх майстроў, сёлета — больш за 40. Палова з іх дабралася да Любліна дзякуючы дзейнасці Форума польскіх лакальных ініцыятыў Брэста і Брэсцкай вобласці. Галоўны каардынатар арганізацыі, Ганна Панішава, распавяла, што рамеснікаў шукалі праз Саюз майстроў народнай творчасці і праз асабістыя знаёмствы. У арганізацыі паездкі дапамагалі загадчыца аддзела народнай творчасці Брэсцкага абласнога метадычнага цэнтра Ларыса Быцко і выкладчыца Марына Марчук. Для пані Ганны гэта ўжо 8-ы Ягелонскі кірмаш, на які яна арганізуе паездкі беларускіх майстроў. Сярод удзельнікаў — вышывальшчыцы Галіна і Яніна Рудніцкія (г. Мінск), аўтар вырабаў з сена Таццяна Сцяпурка (г. Салігорск), ткалля Галіна Бураўцова (г. Старыя Дарогі), майстар па вышыўцы і ткацтве Валянціна Струнец (г. Маларыта), майстры па выцінанцы Марына Марчук (г. Брэст), Вольга Бабурына (г. Мінск), Валянціна Слюнчанка (г. Мінск) і Ніна Сакалова-Кубай (г. Мінск), кераміст Валеры Марчук (г. Брэст), Наталля Кавалевіч з тканымі вырабамі і птушкамі з сасновай дранкі (г. Бяроза), Сцепаніда Сцепанюк з тканымі вырабамі і калаўротам (в. Дарапеевічы, Маларыцкі р-н), майстар драўлянай скульптуры Іван Супрунчык (в. Цярэблічы, Столінскі р-н), майстры бісерапляцення Вера Зянкевіч (г. Мінск) і Святлана Панасюк, майстар па пля-







ценні карункаў Нэлі Бялова (г. Брэст), вышывальшчыцы Наталля Гамаюнава (г. Мінск) і Ніна Яшушчык (в. Бездзеж, Драгічынскі р-н), майстар па пісанцы Наталля Квасевіч, саломапляцельшчыца Раіса Раманеня (г. Салігорск).

Плошчу, дзе змясціліся рамеснікі, упрыгожвалі вялікія скульптурныя выявы кур — сімвал кірмашу. Тэмай сёлетняй імпрэзы былі абраны выцінанка і вяселле. Таму імкнуліся запрашаць пабалей майстроў па выразанні з паперы, хаця іншыя рамёствы былі таксама паказаны досыць добра. На працягу кірмашу прайшлі майстар-класы па выцінанцы, працавала некалькі выстаў выцінанак з розных рэгіёнаў Польшчы.

Вясельныя традыцыі Люблінскага рэгіёну былі паказаны на выставе ў замку. Наведвальнікі пабачылі старыя фотаздымкі, драўляную скульптуру і народны жывапіс на вясельную тэматыку, пасаг маладой, каравай. Акрамя таго, прайшло некалькі майстар-класаў па вясельных песнях з фінальным выступам навучэнцаў.

Усе 3 дні кірмашу ў Любліне панавала атмасфера сапраўднага свята.

Алена Ляшкевіч









Наши в Лондоне



Делегация славянских поэтов в посольстве Республики Польша в Лондоне

С 16 по 19 октября 2014 года в самом сердце Лондона проходил II Фестиваль славянской поэзии, на который я была приглашена почетным гостем. Участники — группы поэтов, переводчиков, журналистов и организаторов подобных фестивалей из разных стран мира. Фестиваль в Лондоне, является одним из многих, какие проводятся по всей Европе. Основная его цель — совершенствование действий, которые объединяют общество, через культуру и мир, через поэзию. Главным организатором фестиваля является творческий коллектив КаМПе, работающих под эгидой Союза польских писателей за рубежом, со штаб-квартирой в Лондоне, совместно с редакцией журнала «Поэзия сегодня» в Варшаве (главный редактор Александр Навроцкий). Директор фестиваля Алексей Врубель — талантливый поэт, переводчик, композитор, руководитель группы КаМПе, поддерживающей молодых поэтов, художников, фотографов, музыкантов.

Река Темза, Вестминстерский мост, башня Биг-Бен и я



Программа Фестиваля была яркой и насыщенной: незабываемые экскурсии по городу, встреча делегации в Посольстве Республики Польша в Британии, общение с поэтами из Болгарии, Сербии, Словении, Румынии, Словакии, Польши, Чехии и других стран в Польском культурном центре. Порадовала встреча с молодыми поэтами — детьми школы им. Польских летчиков. Из Беларуси я была одна. Неоднократно читала свои стихи, переводы Ю.И. Крашевского на русский язык и читались мои стихи, переведенные на польский. Программа фестиваля предусматривала возможность выступлений для каждого участника. А самое главное — мы с А. Врубелем договорились о творческом сотрудничестве Брестчина–Лондон. Дружба, взаимопонимание и любовь к литературе в эти дни всех роднила, объединяла. Было много музыки, много песен и человеческой теплоты. Погода тоже радовала, а Лондон потрясал своей красотой и величием. Здесь чувствуешь пульс времени и желание торопиться жить.

Любовь КРАСЕВСКАЯ,
зам. председателя Брестского отделения Союза писателей Беларуси

Беловежская пуща

в работе Павла Шпилевского
«Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (1853)



Павел Михайлович Шпилевский — писатель-этнограф, публицист, театральный критик, популяризатор народного культурного наследия белорусов.
Родился 31 октября (12 ноября) 1823 г. в д. Шипиловичи, Бобруйский уезд, Минской губернии (ныне Любанский район, Минская область).
Умер 17 октября (29 октября) 1861 г. в Санкт-Петербурге.



«Въ несколькихъ верстахъ отъ Бреста, почти въ виду самого Кобрина, начинаются огромнейшіе леса, известные подъ именемъ Беловежской пущи, которая тянется зигзагами, на пространстве 80 верстъ, или 88,000 десятинъ, до реки Свислочи. Границу ея составляютъ: съ северо-востока — река Наревъ, съ юга и юго-востока — Лесна, притокъ Западнаго Буга, — съ востока соединяется съ другими казенными и частнымц лесами, съ запада окружена менее лесистою страною. Пуща вся изрезана озерами и особенно речками, изъ которыхъ замечательны, какъ судоходныя во время оно: Еларка, Никоръ, Белая, Дедовка, Наревъ и Наревка. Почва ея довольно хорошая, кой-где песчаная, но больше болотистая, везде почти ровная и изобилуетъ самыми разнородными, вековыми деревьями, даже мачтовыми: тутъ есть ива, липа, мелколистная осина, дикія яблони и груши, кленъ, вязъ, берестъ, ясень, рябина, илимъ, пихта, разные дубы, большая и малорослая береза, черная и белая ольха, но больше всего сосна и отличной доброты ель. Беловежская пуща искони была обиталищемъ медведей, туровъ и зубровъ, боготворимыхъ некогда литовцами до того, что изъ роговъ туровъ и зубровъ они выделывали чаши и употребляли ихъ при жертвенныхъ возліяніяхъ...».



Рисунок Ланы Райберг, Нью-Йорк

«Названіе Беловежскоій пуща получила отъ древняго каменнаго замка съ белыми вежами (башнями), построеннаго однимъ изъ ятвяжскихъ князей, — замка, въ которомъ въ 1409 г. проживалъ Витовдъ и, вместе съ Владиславомъ Ягелломъ, любилъ охотиться за зубрами и медведями. Народное преданіе увековечило память объ этихъ охотахъ и до сихъ поръ прославляетъ въ разсказахъ знаменитыхъ охотниковъ...».

АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ • № 4 [8]•2014

